

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 30 (4472)
24 июля 1974 г. СРЕДА

ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ И БРАТСТВА

Социалистической Польше — 30 лет

НА ПОЛЬСКОЙ земле прошел великий праздник. Это был и наш праздник.

Мы, советские коммунисты, весь советский народ испытываем огромное удовлетворение тем, что деятельным членом братской семьи, энергичным участником всех созидательных начинаний социалистического сотрудничества является наше ближайшая соседка и добрый друг — народная Польша, — сказал на торжественном заседании сессии Польской Народной Республики, посвященной 30-летию образования Польши, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Советские люди горды дружбой с польским народом — народом тысячелетней истории, богатой культуры, таланта, навсегда избравшим для своего отечества путь социализма. В день славного тридцатилетия народной Польши мы желаем вам, дорогие братья, новых крупных достижений, благополучия и счастья!

Пусть живет в венах социалистической Польши простота, сердечность, мудрые слова Устами Леопада Ильича Брежнева говоривая нас стране Советская, весь советский народ.

К речи Генерального секретаря ЦК КПСС в польском сейме прислушались весь мир. Люди, где бы они ни жили, получили новое подтверждение того, что Советский Союз, все страны социалистического сотрудничества полны решимости разви-

вать братское сотрудничество, намеренно проводить в жизнь политику мирного сосуществования государства с различным общественным строем, отстаивать мир и безопасность народов.

Чем полнее жизнь, тем стремительнее ее ускорение. Каждый наш день заполнен трудом, реализацией грандиозных планов, связанных со-

технического общества и декабристов, на страницах герценовского «Колокола» и в контактах «Пролетарата» и «Народной воли», в борьбе, в которой принимали участие на стороне польских революционеров многие русские, украинцы и белорусы, как и в среде русских революционеров было немало сынов польского народа.

созданного ею широкого народного антифашистского фронта, собравшего все прогрессивные, демократические, патристические силы польского народа на борьбу против гитлеровских захватчиков. В осуществлении этой идеи на территории Советского Союза была создана Первая дивизия народного Войска Польского, которой было присвоено имя великого борца за свободу Тэдзуха Костюшко. Советский Союз снабдил бойцов польской армии самым современным вооружением, всем необходимым для ведения наступательных операций.

В первых боях у поселка Ленино кровью советских и польских солдат была навеки скреплена наша дружба. От поселка Ленино, который стал легендарным, начался путь боевой славы Войска Польского. Вместе с Советскими Вооруженными Силами, сокрушая врага, польские воины вскоре вступили на родную землю.

Выдавая пороки капиталистической системы за беды всего человечества, английский историк д-р Арнольд Тойнби выступил с мрачными прогнозами. В БУДУЩЕМ ПРИНАДЛЕЖИТ КОМУНИЗМУ! — полемизируя с Тойнби, пишет советский философ, член-корреспондент Академии наук СССР В. Афанасьев.

В новом обществе, в котором идет человечество, достигнет небывалого расцвета материальная и духовная культура, на благодатной почве которой расцветет и сам человек.

ПОЛЕМИКА

ЭКОНАНС

считает А. Дюринца, заместитель председателя Государственного комитета цен Советского Союза.

Точку зрения редакции о необходимости издать новые правовые документы, защищающие интересы потребителей, поддерживают также: Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, Госбанк СССР, Министерство финансов СССР, Министерство бытового обслуживания населения Латвийской ССР.

Эта трагедия еще раз показала, что дело возрождения Польши, ее будущее и гарантия ее существования зависят от победы социализма, объединения трудящихся под знаменем марксистско-ленинской партии, от боевого братского союза со «старой сга народов».

Именно эта идея в годы второй мировой войны и явилась основой деятельности Польской рабочей партии и

Многие из нас были участниками Великой Отечественной войны, прошли от стен Москвы и Сталинграда до самых дальних рубежей Европы, где прозвучал последний выстрел второй мировой войны. Мы видели и знаем, какие огромные потери понес польский народ в результате войны и немецко-фашистской оккупации. Сотни городов и тысячи поселков были сожжены и уничтожены. Земля, как ослеп, была изрыта окопами, перелазна снарядями и бомбами, усевна мотылями, опутана колючей проволокой концентрационных лагерей. В страшные руины была превращена столица Польши Варшава.

Сейчас трудно найти такой уголок или район в Польше,

М. И. БРЕЖНЕВ и Э. ГЕРЕК на юбилейных торжествах в ПНР.

Телефото спец. корр. ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА

Встреча в Звездном городке

В ответ на Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу трудящиеся нашей страны широко резервировали социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана четвертого, определяющего года девятой пятилетки. В первом полугодии 1974 года, как говорится в сообщении ЦСУ СССР, возросли темпы роста производства и производительности труда. Повысилась эффективность общественного производства. Продолжалось осуществление предусмотренных Директивами XIV съезда КПСС мероприятий по повышению материального и культурного уровня жизни народа.

Будни двоятой пятилетки насыщены делами и событиями, показывающими всему миру высокий трудовой энтузиазм, социалистическую сознательность советских людей. История нашей Родины теоретически и творчески людьми труда — теми, кто строит Днепротэкс и Магнитку, прокладывает Турксиб и Каракумский канал, кто превратил в цветущий оазис Голубую степь, кто возводит сегодня корпус КАМАЗа и добывает тюменскую нефть.

Тюмень в эти летние июльские дни большой эпистолярный десант высидела на нефтеносную тюменскую землю, где проходит День советской литературы.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

НОВЫЙ ШАГ В КОСМОС

Есть событие и есть проявления человеческого духа, которые, даже войдя в наш повседневный обиход, не становятся привычными, не затихают, не перестают будничности. Героизм всегда остается героизмом, сколько бы раз мы ни сталкивались с его проявлениями. Космические рейсы прочно вошли в жизнь современной науки. Если в первые полеты с человеком на борту всех нас прежде всего волновали и потрясли рекорды — первый человек на орбите, первый выход в космос, первые шаги по Луне, первая околоспутная лаборатория, — то теперь безграничные возможности человека подтверждены и настала пора спокойной и планомерной работы. Разведка сделала свое дело. Но в том-то и суть: разве можно приложить к работе космонавта злитая «спокойная»? Нет, наверное, еще очень долго это будут трудносочетаемые слова. Мы привыкли к космическим полетам. Но ведь космос не стал доступным, безопасным, работа в нем не сделалась проще. И сегодня каждый полет требует от космонавта долгих лет подготовки — научной, физической, моральной. И сегодня каждый полет — шаг в неизведанное.

Патриарх дней весь мир напряженно следил за работой в космосе героического экипажа орбитальной станции «Салют-3» — Павла Поповича и Юрия Артюхина. Ученые ждали новых результатов, полученных в космической лаборатории, конструкторы — замечаний космонавтов о конструкции корабля. Все наша необъятная Родина ожидала их, как ожидает мать своих сыновей, пошедших на подвиг. Пусть на выполнимый, заранее рассчитанный подвиг, но ведь на подвиг же Варла и волновалась...

19 июля 1974 года советские космонавты Павел Попович и Юрий Артюхин, успешно выполнив всю полетную программу, благополучно вернулись на родную землю. Полет окончен, работа продолжается. Покорения космоса идет по намеченной программе.

ГОРЯЧЕЕ СОЛНЦЕ СИБИРИ

НАШ РЕПОРТАЖ

Дни советской литературы в Тюменской области

Тюмень встретила гостей-писателей — солнцею прямо-таки южным — низко повисшее, огромное, ослепительное. Оно, несмотря на вечер, плавило в своем жарком мареве дома, просторы, реку Туру...

Утром следующего дня в местных газетах наряду с материалами, рассказывающими о большом литературном празднике (платом по счету), приходило в нефтяной сибирский край, были опубликованы итоги выполнения государственного плана развития народного хозяйства области в первой половине 1974 года. где главное место занимала цифра — 102,5! Именно на столько процентов было реализовано производство, выпущенной промышленными предприятиями области, прирост производства к соответствующему периоду прошлого года.

Тюмень в эти летние июльские дни большой эпистолярный десант высидела на нефтеносную тюменскую землю, где проходит День советской литературы.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Кешонова А. П. орденом Октябрьской Революции

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения награждать писателя Кешонова Александра Пшемаховича орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР И. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 18 июля 1974 г.

ЖИЗНЬ В «КОТОРОЙ БУШУТ БУДУЩЕЕ»

Исполнилось 80 лет со дня рождения И. Ваболы... В 1927 году И. Ваболу признали поэтом Грузии... В 1930 году он переехал в Москву...

Об этом свидетельствуют в частности, публикуемые здесь очерки И. Ваболы из числа тех, которые печатались по его просьбе в журнале «Заря Востока»... Подписаны они были псевдонимом К. Летова...

В ШВЕЦИИ пользуется успехом книга Майи Экелов «Записки ублюдка». Автор — немолодая, одиокая женщина бесстыдно описывает свою жизнь: повседневный труд, мысли, интересы. Не удивляется она ни рассуждениям о прочитанном. Со всех сторон ее обступили различные, в конечном счете социальные, проблемы.

Эту книгу непрофессионального литератора, завоевавшую первую премию на конкурсе «социальных» произведений, открывает письмо, адресованное писателю, чье произведение оставило, однако, след в благодарной памяти читателей: «Эти строки я пишу тебе, Харри Мартинсон, потому что мне не с кем больше поговорить. Я никогда не отправлю это письмо, но все равно приятнее обращаться к кому-то живому, чем писать только для того, чтобы выбросить потом в корзину».

Здесь выражен один из мотивов, руководящих автором писем-исповедей, занимающих в писательской почте исключительное место.

В интервью, опубликованном недавно «Литературным обозрением», Борис Полевой делит получаемую им обильную почту на «письма-рецензии» и «письма-исповеди». Именно к последним автор испытывает приставление — какое-то письмо открывает перед ним еще одну человеческую судьбу.

«Я к вам пишу...» — так очень часто начинаются эти письма, невольно напоминая зачин страстной дерзмовской исповеди — стихотворения «Валерик».

Особое влияние оказали читательские исповеди на творчество Григория Мельникова. Писатель рассказывал, как поток писем, последовавших за публикацией повести «Честь», буквально изменил его жизнь и заставил перейти на публицистику в «Трудной книге»: «Полши письма-исповеди, письма-судьбы, письма-трагедии, письма-размышления. Если, положим, человек писал полтора года исповедь жизни... и он прислал это мне, писателю, то как же можно подобный документ положить просто в архив? Это будет грешно и по отношению к автору и к людям, и к самому себе. А идут потоки таких исповедей по 50 и 60 страниц!».

На новую книгу Г. Мельникова, во многом опирающуюся на переписку с читателями, чутко откликнулся Н. Атаров: «Задумав такую книгу, бросаю в нее току тысячу писем «туда» и «оттуда», соединяя в ней все голоса и шепоты своей писательской исповедальни... К черту все соблазны красивой художественности, в конце концов — ты не гений искусства, скорее ты Ферсман или Фламарион социальной жизни. Единственный ориентир — гражданственность!».

ЗАМЕЧАНИЕ Н. Атарова о Ферсманах и Фламарионах социальной жизни заставляет задуматься о том, что социологи называют литературным потоком, а критики — литературным процессом. Творит литература не один гений: трагедия художественной культуры не удалось бы проложить от одной впадины изолированной горной вершины к другой в обход всех подпираний высочайшие пики хребтов, окаймляющих их горных склонов, лежащих меж хребтами высокогорных долин...

На международном коллоквиуме по социологии литературы в Брюсселе (1964 году) Юбер Эскарри отметил, что в Европе на первый взгляд цифру 80 процентов литературной продукции предыдущего года и 99 процентов — каждого двенадцатилетия начинают забавлять читателей. Право на жизнь обретают за эти десятилетия не более десяти книг из тысячи, и только одна из них достигает «бессмертия». Но коллоквиум уготовил и убедительный ответ тому наивному читателю, который, узнав о печальной судьбе 99 книг из тысячи, хотел бы воскликнуть: да кому же тогда нужны аферная деятельность всех этих авторов, их труд, пот, вдохновение!

Вот этот ответ: «Литература создает все произведение, которое создано в свое время, и впоследствии свою роль, а впоследствии как бы испарившись... Мы только тогда живем, когда объектом озабочены не только судьи и читатели, но и общество в целом. Литературный поток разрыхляет почву, создает тот культурный слой, на котором произрастают величайшие произведения. «Средние писатели», хотя им суждено доходить до потомков чаще всего в анонимной форме, в свою эпоху, на своих современников оказывают значительное влияние».

Приведу лишь один пример. «Маринисты» уже устарел — от него не читают, — отметил рассказчик из «студии» И. С. Тургенева «Стук... Стук...».

Стук... И уверял, что еще в 30-е годы XIX века этот писатель гремел, как янтарь, и даже наложил свою печать на современное ему поколение. Молодые люди тех лет разговаривали, переписываясь языком Маринистского. В обществе они держались сумрачно, сдержанно — «с бурей в душе и пламенем в крови». Этот человеческий тип, подмеченный Маринистом в жизни и вываженный в свою очередь массовые подражания, продержался долго, вплоть до времен Печорина. А в какой мере Печорин, куда более глубокий образ, сам был обязан распространению («в литературе и в жизни») «фаталистов» Маринистского? Это должно быть предметом особого исследования взаимосвязей жизни и литературы.

И если переписка читателей с писателями вообще представляет общественный интерес, то круг авторов, к которым идут письма, никак не может ограничиваться гениями. Скорее, наоборот. Классики — ни Пушкин, ни Т. Толстой не составляют в этом смысле исключения — при жизни вовсе не были самыми читаемыми писателями. Кроме того, живых классиков от лотка писем часто оберегает окружающий их пиетет. Наконец, аудитория «средних писателей», втятых купно, всегда намного обширнее, чем у одного-двух-трех одновременно с ними живущих гениев.

«Я к вам пишу...» — так очень часто начинаются эти письма, невольно напоминая зачин страстной дерзмовской исповеди — стихотворения «Валерик».

Особое влияние оказали читательские исповеди на творчество Григория Мельникова. Писатель рассказывал, как поток писем, последовавших за публикацией повести «Честь», буквально изменил его жизнь и заставил перейти на публицистику в «Трудной книге»: «Полши письма-исповеди, письма-судьбы, письма-трагедии, письма-размышления. Если, положим, человек писал полтора года исповедь жизни... и он прислал это мне, писателю, то как же можно подобный документ положить просто в архив? Это будет грешно и по отношению к автору и к людям, и к самому себе. А идут потоки таких исповедей по 50 и 60 страниц!».

На новую книгу Г. Мельникова, во многом опирающуюся на переписку с читателями, чутко откликнулся Н. Атаров: «Задумав такую книгу, бросаю в нее току тысячу писем «туда» и «оттуда», соединяя в ней все голоса и шепоты своей писательской исповедальни... К черту все соблазны красивой художественности, в конце концов — ты не гений искусства, скорее ты Ферсман или Фламарион социальной жизни. Единственный ориентир — гражданственность!».

ЗАМЕЧАНИЕ Н. Атарова о Ферсманах и Фламарионах социальной жизни заставляет задуматься о том, что социологи называют литературным потоком, а критики — литературным процессом. Творит литература не один гений: трагедия художественной культуры не удалось бы проложить от одной впадины изолированной горной вершины к другой в обход всех подпираний высочайшие пики хребтов, окаймляющих их горных склонов, лежащих меж хребтами высокогорных долин...

На международном коллоквиуме по социологии литературы в Брюсселе (1964 году) Юбер Эскарри отметил, что в Европе на первый взгляд цифру 80 процентов литературной продукции предыдущего года и 99 процентов — каждого двенадцатилетия начинают забавлять читателей. Право на жизнь обретают за эти десятилетия не более десяти книг из тысячи, и только одна из них достигает «бессмертия». Но коллоквиум уготовил и убедительный ответ тому наивному читателю, который, узнав о печальной судьбе 99 книг из тысячи, хотел бы воскликнуть: да кому же тогда нужны аферная деятельность всех этих авторов, их труд, пот, вдохновение!

Вот этот ответ: «Литература создает все произведение, которое создано в свое время, и впоследствии свою роль, а впоследствии как бы испарившись... Мы только тогда живем, когда объектом озабочены не только судьи и читатели, но и общество в целом. Литературный поток разрыхляет почву, создает тот культурный слой, на котором произрастают величайшие произведения. «Средние писатели», хотя им суждено доходить до потомков чаще всего в анонимной форме, в свою эпоху, на своих современников оказывают значительное влияние».

Приведу лишь один пример. «Маринисты» уже устарел — от него не читают, — отметил рассказчик из «студии» И. С. Тургенева «Стук... Стук...».

Стук... И уверял, что еще в 30-е годы XIX века этот писатель гремел, как янтарь, и даже наложил свою печать на современное ему поколение. Молодые люди тех лет разговаривали, переписываясь языком Маринистского. В обществе они держались сумрачно, сдержанно — «с бурей в душе и пламенем в крови». Этот человеческий тип, подмеченный Маринистом в жизни и вываженный в свою очередь массовые подражания, продержался долго, вплоть до времен Печорина. А в какой мере Печорин, куда более глубокий образ, сам был обязан распространению («в литературе и в жизни») «фаталистов» Маринистского? Это должно быть предметом особого исследования взаимосвязей жизни и литературы.

Когда же не бывает: у каждого человека свое мнение, свои опыты. Но даже возражения читателей часто идут вперед, подтверждая, что писатель нащупал какой-то нерв жизни общества.

Социальное и на свой личный опыт. Скажем, очерки «Ты и Вы» о достоинстве человека, который не хочет мириться с обычаями «неграмотного тактика», опубликованные лет 15 назад, вызвали поток возмущенных, негодующих писем. Отклики не только сопровождали все последующие массовые издания книжки. Она впитывала в себя новые и новые читательские письма и высказывания. В издании, которое выходит в этом году, публикуется впервые письмо А. И. Гончарова из гор. Ижевск. Человека бывшего (он пропел дорожки войны), видать, не обремененного грамотностью и тем не менее склонного прямо к философским обобщениям. За тыканьем сверху вниз он угадал другие дурные в нравственном плане явления. Он так и пишет мне (сохраняю орфографию подлинника): «Многие факты нам вредят до всех отношений Ты и Вы! Нам нужно вести с ними внутреннюю войну. Мы говорим: все для человека, а еще более можно привести много примеров, вредных нам. Надо стать культурными во всем. Есть мера воспитания — прямо к людям». Автор письма

Владимир КАНТОРОВИЧ

«Я К ВАМ ПИШУ...»

Исполнен чувства собственного достоинства и не сомневается в своем праве, как равному, давать советы писателю. Приведем различные факты и свои предположения. Афанасий Ильич заканчивает это письмо так: «Вы не правы (неприятные факты), но все у меня. Я вам много написал. Хорошо подумайте!» В письмах читателей часто звучит этот мотив: то, что им кажется важным и справедливым, надо сделать убежденно, независимо от мнения людей, если не всех...

НИ С ЧЕМ не соизмерить значение читательской поддержки писателя. Я слышалась до сих пор на письма «массовых читателей». Но не сомнений, высочайшую ценность в глазах писателя имеют также письма от ученых, от собиравших по перу. Писатель, который трудится в конечном счете в поэзию и длительном одиночестве, испытывает острую потребность в общении с такими читателями, независимо от журнальной критики. Подтверждение этой мысли я слышал и от авторов, как говорится, областных печатей.

В М. Шибур. А. Я. Брусилов. К. П. Паустовского. Трудно очертить круг людей, с которыми писатель работает, хотя бы не столь уж частых писем. Мари Поповский как-то прочитал на собрании очерки одно из любимых своих писем. Ученый поделился с писателем критическими мыслями о научно-художественном жанре. Героическое Толстой показывал на фоне будничного. Николай Росток отличился волею с самостою, а тем не менее с влиятельным коллегам принял командировку в том, в Воронеж, по ремонту (покупкой лошадей) для дивизии и не срысавал этого, и его хорошо познания товарищи. Вот эти приличные пожелания будничного времени, когда «Россия была до половины завоевана и жители Москвы бежали в дальние губернии и ополчение за ополчением поднималось на защиту отечества», роман Толстого и так не похож на «Россию» или Русских в 1812 году. Между тем из книг современных авторов, рассказывающих о подвигах ученых, о самой атмосфере научного подвига, будничное исчезает. «Вот почему», — заключает корреспондент М. Поповского, — в их тактике Голтува».

Я не стану далее классифицировать читательские письма — это дело специальных исследований. К тому же хотелось бы избежать идеализации корреспондентов. Немало писем приходит от тиеславых людей, отвечающих получить ответ «известного писателя», от охотников за автографами, от некоторых пенсионеров, тяжело переносящих их отсутствие безделье. — их тиет на поучения. Наверное, и такие письма представляют интерес для социального исследования, особенно образцы подобно-го рода образ (средних друг М. Зоенко в «Письмах к писателю» (1929 год). Он отметил: «...я не могу и не имею права держать в своем письменном столе такой исключительный материал».

Я УБЕЖДЕН, что гигантская эпистолярная стихия, порождаемая художественной литературой и публицистикой, содержит материал для анализа общества. Однако анализ этот не может быть элементарно-прямым, статистическим. Книгу прочли 10—30—100 тысяч человек. Писем же читателей вместе с читательскими откликами, зарегистрированными библиотеками и издательствами, 10—30—100 и лишь в исключительных случаях — 300. Какому принципу следовать эта стихийная выборка? Какие категории читателей в каких пропорциях представлены в писательской почте? На эти вопросы сразу не ответишь.

ты последнего времени, в которых с успехом применены социологические (однако же не количественные) методы анализа, например на «Меру истины» Ю. Кузьменко или «Социологический аспект современной «деревенской прозы» Е. Стариковой. Напротив, с огорчением вспоминаю крайние примитивные комментарии и контентализацию текстов журнала «Юность», принадлежавший Л. Когану и Л. Иванько («Литературное обозрение», № 4, 1974). Авторы явно отдали дань вульгарно-социологическому представлению о тождестве явления жизни и искусства, о зеркальной якобы отражении действительности в литературе.

Подобные ошибки отнюдь не типичны для социологов искусства, для критиков. Поэтому они и рассматривают поток читательских писем как источник ценной социальной информации.

НО КАКОВА судьба огромного большинства таких писем? Архивы самых значительных писателей со временем поступают в ЦГА.ЛН. Уверен, впрочем, что и знаменитые писатели научились уберечь свою переписку только с того времени, когда обзавелись секретарями.

Писателю, активно участвующему в литературном процессе, практически негде хранить обильную читательскую почту. Неудачно в нынешних домах нет. Так что бесценные документы со временем смываются с авторскими черновиками и разделяет с ними общую участь при очередной чистке архивных конюшен в писательском доме их спускают в мусоропровод.

Безобразно! Безумно! Но все именно так и происходит... А между тем как важно было бы, чтобы самые интересные читательские письма были вовлечены в литературный и научный оборот. Я говорю не только о том, что сразу могло бы заинтересовать печать и появиться на ее страницах. Хотелось бы, чтобы читательские письма, чтобы переписка писателя стала доступной не только профессиональным критикам и публицистам, но, скажем, также рядовым филологам — авторам студенческих дипломов, аспирантам, журналистам. Постепенно крепла бы база для глубоких исследовательских работ.

ОСТАЕТСЯ сформулировать практические предложения. Пора позаботиться о хранении для читательских писем. Легче всего организовать кабинеты читательских писем при центральных и местных библиотеках и журнальных редакциях. Понадобится всего лишь по комнате с полками, столом для работы посетителя для по одному, непременно добросовестному и заинтересованному работнику. Они организовали бы сбор писательской почты, регистрацию каждого документа, выдавали бы их для работы.

Независимо от будущего научного анализа собранных документов, я мечтаю о том, чтобы ежегодно на прилавках книжных магазинов и в библиотеках появлялись новые сборники интересных писем, провозглашаясь писателями и журналистами, авторами книг, к кому эти письма адресованы.

Важно, что в театральных и кинематографических организациях функционируют социологические кабинеты, изучающие зрителя. Нет недостатка в статьях, заметках, публикациях о современном читателе. Так, может быть, наступило время, чтобы в одном из существующих научных институтов культуры или института искусств начать работу по изучению проблем потребления искусства?

Вот когда из мощной эпистолярной стихии был бы выделен — если пользоваться термином Пеханова — социологический эквивалент.

Ваше письмо получило... Письмо-исповедь, письмо-рецензия. За ними — человеческий характер, жизнь. Какое значение имеет для писателя читательское слово? Какова его судьба? Об этом статья писателя и социолога Владимира Канторовича.

Если бы радость не теснила так сильно сердце, тогда об этом можно было бы рассказать последовательно и деловито... И в первую голову о приговоре народного суда Аджаристана. О, этот приговор, полный суровой чужести и пламенного пафоса! Он законен в неумолимую броню прав и клочает железом негодяев. Замком издевательской пошлости, некрошительные нормы международной «вежливости», аневраль римского права, соглашечные Красина с Ллойд-Джорджем, двусмысленные постановления двусмысленных конвенций и конференций и, наконец, советские декреты, насыщенные красным соком бунта, — все обрел в себя этот неограниченный приговор, постановленный батумским рабочим комитетом.

Для чего это сделано? Это сделано для того, чтобы заставить разноязычные ухищрения и плотную лавину статей и уклончивых мнений, ширящихся по батумским набережным... «Юрки» и «Эдвиг» стоят под красным флагом у пристани Черномортранс. Склады малайских крестовцев запылены, над ними нависли грозные тучи штрафов, пеней, реквизиций.

«Юрки» и «Эдвиг» (бывшие «Россия» и «Мария»), они были воровским образом уведены из русских и грузинских портов для того, чтобы прогнать под чужим флагом Суэцкий канал и Красное море. Но тесен стар мир для мальчишек. Триста безработных пароходов привязаны к берегу в Марселе, миллионы тонн гинет без дела в портах Лондона, Брисбана и Константинаполя, тысячи моряков голодают в элеваторных каютах культурных побережий. Мировые пути глохнут, удушьями гибельной игрой иностранных дипломатов. Нет грузов на Каифу, на Яффу, на Сан-Франциско. Европа может грузить только в советские порты. И господа Скембри, набравшись духу и эстрексов уловленные пароходы от завата большевиками, плывут в советские порты...

Господа Скембри получают страховую премию. Мы получили пароходы. Красные ватерлинии «Каюк» и «Шаумяна» цветут на глубокой воде, как огонь элеваторов. Вокруг них покачиваются прелесть очертания турецких флюгов, красные фески горят на шлепанцах, как корабельные фонари, плодородным дым неслышно восходит и осветительным батумским небесам.

Среди этой цветистой мелочи ищется корпус «Каюк» и «Шаумяна», кактусы гигантами, из белоснежные

палубы сияют и отсвечивают, и микрон лачет режет горизонт стройной и могучей линией.

Если бы радость не теснила так неотступно сердце, об этом можно было бы рассказать последовательно и деловито... Но сегодня мы отмечаем ее от последовательности, как от милой музыки.

Целый типом предвещания на палубе, развлекательная, как часы, сверкающая красной медью трубок и жемчужным налетом цилиндров, держит нес в восходящем плесну. Мы окружены горами хрустала в кают-компаниях, отдаленной мрамором и дубом, строгой чистотой кают и паучей краской стен.

— Все это же месяца, как выведен из капитального ремонта, — обращается ко мне старший боцман, назначенный на «Шаумяна», — сорок ты сучь финтов стерлингов обогрелся... Да в же помру на этом пароходе и никакой претензии к господам богу иметь не буду. Сорок тысяч фунтов — сколько это на наши деньги, Юко?

— Сорок тысяч фунтов... — раздумчиво повторяет Юко, покачивается на босых ногах. — Не наши деньги этого сказать невозможно... — То-то и оно, — торжествующе восклицает боцман, — да столько же стои и «Эдвиг». Вот и посчитай на наши деньги...

— На наши деньги, — упорно повторяет нечужающийся Юко, — этого счета я и сделать не могу никак... И блаженно багровое лицо Юко микнет и палуба, полное лунавого востока и предельного смеха. Его пальцы самозабвенно щелкают в воздухе, и спина гнется все ниже.

— Ты никак под мухой сегодня, Юко! — спрашивает его пропадающий мимо нас новый капитан «Каюк». — Я не под мухой, товарищ капитан, — наставительно отвечает Юко, — но по случаю такого случая, в действительно, сегодняшний день наложу под перами, потому как судно готовится в раск на Одессу, а там же смешило это дело без конца... Неужели же, товарищ капитан, я по случаю такого случая не могу развесть перы, коль скоро судно готовится в рейт?

— Разводи перы, Юко, — смеясь смеет капитан, — да в забудь заврать малакка. — Есть, капитан! — прокричал Юко.

«ГАГРЫ ЖДУТ НОВЫХ ПЕСЕН...»

Волею державного деспота на скале воздвигн город. Были построены дворцы для избранных и жилища для тех, кто избранным будет обслуживать. Не глухом берегу зиграли огни, и тугие кошечки с подприваленными лапками потянулись к скале светлейшего деспота.

Все тепло, как положено. Дворцы полны, жилища гниют. Выдревшие легкие избранные выдрывались, избранные легкие услаждающих крошечных и раздувающихся, а неугомонный старик принц неугомонно качал лабедой по своим ягодицам, разбивая цветники и карабкался по кручам, водружая на недосыгаемых верхних дворцов и жилищных только дворцы и только жилищные. В Петербурге подумывали о том, чтобы обдувать принца сумасшедшим и отдалить под аполло. Потом границу война. Принца объявили гением и назначили его начальником санитарной части. Изумленная история поведала о том, как левил принц Ольденбургский яля миллионы о Гаграх, об этой выдающей его упрямой и бездельной фантазии, — кто расскажет о Гаграх!

Войне и след за нею революция. Пройди и отплыл Красных знамен. На одних курортах не стало больше, а у сиделок не стало глаба. Грохот сражений на больших дорогах и присеивая на коротких тишина в глухих углах. Всероссийская буря выбрасывала немужичий шебень на дальние берега — трупы крас, бжежших с корабля. А мертвенные Гагры, та величавая мелочность, гложут на своей разрушенной скале, всеми забытые, ничего не производящие...

И вот в этом году новый хозяин впервые открывает лебячий сезон в Гаграх. Занатория чистится и приводится в порядок. Ждут больные товарищи из РСФСР и Закавказья. Санаторий предположительно развернуть на 150—200 коек. Возможности в Гаграх велики. Ограничат только вопрос о продуктах, стоящий довольно остро, а здания гостиниц и бывший дворец Ольденбургского тот и обделаны инвентарем, но все еще прекрасны. Курортное управление, до сих пор, как известно, не страдальше от пертурбментов, проявляет кое-какие признаки жизни.

На опавших щеках городка заиграва робкая улыбка ожидания. Гагры ждут новых птиц и новых песен. Эти измученные, заблужденные, неутоленные птицы, оплодотворенные беспредельное пространство нашей страны, — пусть приножат они частичку своей животворящей энергии для того, чтобы возродить к жизни издевательскую климатическую станцию, до сих пор плоду управляющуюся, аглошующую, но имеющую все права на существование.

Писатель-коммунист. Вы не стесняйтесь и делайте отзывы на произведения писательской организации. Вера Души желала Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов, большого счастья.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВА В. Н. КРИВЦОВУ — 60 лет С. Г. АСАДУЛЯЕВУ — 50 лет

В. М. РАДЧИШУ — 30 лет

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ДИАЛОГ КЛУБНИК КНИГА

СОВРЕМЕННАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И КНИГА.
ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА
СЕГОДНЯ.
НУЖНА ЛИ
ИЛЛУСТРАЦИЯ?
РАЗГОВОР
ХУДОЖНИКА
И КРИТИКА

Андрей
ГОНЧАРОВ

Александр
КАМЕНСКИЙ

А. КАМЕНСКИЙ. Мы живем в эпоху меняющихся представлений, новых качеств, новых ценностей. И книга тоже меняется: она стала более массовой и перешла из слоя относительно элитарного в гораздо более демократический. Изменилось и отношение к ней: раньше к книге подходили со священным трепетом, ее украшали, как некое праздничное зрелище. Сегодня она стала чем-то повседневным, ее потребительская функция предельно обнажена. Гораздо реже воспринимают ныне книгу как объект художественный, как предмет, с которым должно быть связано чувство красоты. Вы не находите, Андрей Дмитриевич?

А. ГОНЧАРОВ. Ну, сейчас мир наполнен, по существу, справочниками, и многие книги по искусству, которые выпускаются у нас в Европе, мне тоже представляются справочниками. Естественно, что справочники не могут претендовать на особую художественную обработку: они должны быть просты и удобны, то есть приспособлены для пользования.

А. КАМЕНСКИЙ. Я все-таки думаю, что, как говорят дипломаты, мир неидеален. Мне кажется, не совсем правильно делить книги на такие, которые должны принести художественное наслаждение, и прочие, которые без него спокойно обходятся. Мне думается, что всякая книга, даже словарь, — предмет духовной культуры и как таковой должна обладать художественной выразительностью, которая достигается не только при помощи иллюстраций. Тут могут оказать немалое содействие и пропорции и шрифт.

А. ГОНЧАРОВ. Сейчас может быть, так сложилась обстановка, что многое лежит за пределами художественности. Но надо это художественность вернуть... Вернуть, чтобы справочник, где можно найти адрес практической и мастерской по починке ботинок, тоже представлял собой некое художественное произведение. В тех пределах, на которые он может рассчитывать. К сожалению, сейчас этого нет.

А. КАМЕНСКИЙ. Или почти нет. Однако это говорит не о каких-то закономерных тенденциях современной культуры, а только о том, что мы еще недостаточно используем имеющиеся возможности для того, чтобы всегда и всюду прививать человеку чувство красоты. Чтобы художественность стала воздухом повседневности.

Вспомни средневекового кустика, какогонибудь Кола Брюньола: для него любой стул был произведением искусства, любая книга — праздником глаза и души. Великий, кто разглядывал, например, икону XV века, украшенные миниатюрами — немецкие издания, сборники рецептов, нечто вроде лечебника, — быстро убеждается, что это удивительные по изяществу вещи. Видно, что здесь ощущение красо-

ты входило в какой-то профессиональный комплекс приличия, что ли. Всякая работа над книгой включала в себя прикосновение и художника. Даже работа над книгой, имевшей чисто потребительский характер.

А. ГОНЧАРОВ. Каждая книга — в идеале — должна быть обработана как художественное произведение. Но, к сожалению, на все книги нашего внимания не хватает. В первую очередь, шрифтового хозяйства почти не обновляется и не чувствуется, и бы сказал, пульса современности.

А. КАМЕНСКИЙ. В 1971 году, когда я был на Ленинской выставке и получал свою Гутенберговскую премию. Я читал книгу — автор знаменитый книжки 20-х годов «Новая типография», которая буквально перевернула оформительский строй XX века, — сказал мне: «Что говорить, у нас все шрифты образца 1881 года...» Это, конечно, шутка, но она близка к истине. Нужно выпускать каждый год не меньше пяти гарнитур новых шрифтов, а этого не делается. Вообще, по моему, с ростом тиражей качество изданий ухудшилось.

А. КАМЕНСКИЙ. Это не всегда можно сказать. Если композиция книги и все ее оформительские решения делает настоящий мастер, результат может получиться превосходным. Вспомните последнюю работу классика нашей книжной графики Теллингера, его оформление двухтомного издания «Ленин». Собрание фотографий и кинокадров. Следование проверенным традициям тут сочетается со смелой изобретательностью. Властящая работа! А тираж массовый...

А. ГОНЧАРОВ. Есть несколько видов книг, которые, безусловно, улучшились, потому что улучшилась полиграфия. Вообще полиграфия очень выросла, что в первую очередь отражается на книгах по искусству, научных и научно-технических. Вот по последнему конкурсу это видно — там была просто великолепная книжка. Но, и вы сказали, нет чувства, что из типографии выпускается драгоценность. Массовость и вал, они все-таки отразились. А с другой стороны, во внешнем оформлении наших книг я не усматриваю никакого целостного стиля, который бы отличал наше время. Иногда я даже думаю, что над чем-то было бы хорошо, если бы какая-то авторитарная комиссия занялась осуждением этих проблем.

А. КАМЕНСКИЙ. Предполагать, что иррелевантные вопросы решит еще одна комиссия, — это, мне кажется, иллюзия, потому что все упирается в творческое начало. Так вот, кстати, о творческом начале...

А. ГОНЧАРОВ. Об иллюстрациях?

А. КАМЕНСКИЙ. Да. Вы знаете, что не так давно вполне солидные люди — я помню выступление Вениамина Каверина в «Литературной газете» — делали заявления насчет того, что век иллюстраций

прошел. В чем заключалась концепция? Во-первых, изменился читатель. Такого старого читателя, которому надо растолковать и разъяснить содержание книги, сейчас уже нет. Во-вторых, все равно художник, в сущности, навязывает свое представление читателю. Поэтому правильное — об этом писал Каверин — об иллюстрации отказаться вообще, а роль художника в книге должна ограничиться орнаментально-графическим материалом, решением пропорций, композицией страниц и прочим.

А. ГОНЧАРОВ. Простите. Сейчас раздается предложение отказаться от орнаментальной стороны к полю странички совсем не занятые художником: на это есть стандарты.

А. КАМЕНСКИЙ. Вряд ли можно этим похвалиться...

А. ГОНЧАРОВ. Можно грустить, но положение таково: книги «художественно-пропорциональные» доступны нам лишь в отдельных случаях.

А. КАМЕНСКИЙ. А форматы, расположение шрифта на странице — что же, они всякий раз стандартны?

А. ГОНЧАРОВ. К сожалению, да.

А. КАМЕНСКИЙ. Хорошо, минутку, тем не менее иллюстрация...

А. ГОНЧАРОВ. Да, я понимаю, что говорит Каверин...

А. КАМЕНСКИЙ. И знаете, его точка зрения имеет своих сторонников, потому что какая-то внешняя, формальная убедительность здесь есть. Но на мой взгляд, это глубочайшее заблуждение.

А. ГОНЧАРОВ. Брусничного цвета с искрой.

А. КАМЕНСКИЙ. А меня он интересует прежде всего как характер. Более того, я совершенно ясно вижу Чичикова как определенное психологическое начало, которое, увы, живо и в нашей современности. Художник стремится дать нынешнему читателю эти вечные образы. Вот пример совсем иного рода.

Недавно я прочитал в «Новом мире» очень интересную статью Ст. Расколина, посвященную «Маленьким трагедиям» Пушкина. Прочитал, и я вдруг поймал себя на том, что Расколин, с которым я согласен, основную коллизию трагедии трактует так: столкновение отца, который полон пусть ложными, но сильными, и в смысле напряженности и страстности, и очень посредственного, разудалого человека его сына Алфиера.

Так в общем, и у Пушкина. Но Фаворский, излагая пушкинского текста на мой лад у Фаворского Алфиера — носитель светлого начала, он даже сделал его немножко похожим на Гамлета, которому так же в этом мире. А его отец — воплощение зла и темных сил. Фаворский для своих нравственных концепций нашел у Пушкина интересный материал — может быть, и не полностью объективно совпавший с тем реальным действием, которое видит литературовед. Ну и что? Разве можем мы Фаворского обвинить в том, что он извратил Пушкина?

А. ГОНЧАРОВ. Не дай бог!

А. КАМЕНСКИЙ. Это счастье, когда художник

может взглянуть на мир или на классический литературный первоисточник как бы заново.

А. ГОНЧАРОВ. Когда мне приходится разговаривать со студентами, я стараюсь повторять одну фразу Матисса: «Не бойтесь банальностей». Мне кажется, когда Матисс это говорил, он предгагал столкнуться с пейзажами, с интерьерами, со всеми теми простыми, казалось бы, привычными явлениями, на которых настоящий художник глазами и открывался.

В юные кони все мы настолько загружены ассоциациями, опытом, информацией, которая на нас наваливается, — зрительной, слуховой, какой хотите, что открыть глаза и взглянуть на мир заново: увидеть простой стул так, как его увидел Ван Гог, — безумно трудно. Но Фаворский смог взглянуть на мир именно так. И вполне понятно, что больше художник в одном и том же литературном произведении будет разное вычитывать, если можно так сказать. Но значит ли это, что обыкновенные иллюстрации, которые сейчас кое-кто называет этнографическими картинками, должны умереть?

А. КАМЕНСКИЙ. Да.

А. ГОНЧАРОВ. А до-мо-ему, нет.

Вы-то, конечно, все это уже знаете. Вы же можете сейчас нарисовать шпиль, которую носил Чичиков. Потому что вы знаете. Но миллионы людей этого не знают, поскольку школа таких знаний им не дала. Смогут ли школа в дальнейшем преодолеть эти знания? Не убежден. Потому что объем знаний, которые надо получить, постоянно увеличивается, а время на обучение остается почти таким же, как было у Пушкина.

А. КАМЕНСКИЙ. Издайте альбом мод того-то времени. Очень полезно... Я сам купил и все же захочу уточнить в деталях, какую шпиль носил Чичиков.

А. ГОНЧАРОВ. Такой альбом станут покупать только специалисты. Но ребята — шести, семиклассники — должны же знать собственную историю!

А. КАМЕНСКИЙ. Видите, какая вещь, я думаю, что эта история, в частности стилистика эпохи, должна быть органической составной частью иллюстрации в целом, у которой все-таки первая задача ныне — художественные образы.

А. ГОНЧАРОВ. Тут я с вами не очень согласен. Я вспоминаю «Великую коллизию» в постановке Мейерхольда — первый его спектакль, который я видел. Там оставались характеры, правда, трактованные в определенном ключе, основные коллизии были выявлены и т. д. Но все было одето в одинаковые синие комбинезоны, и никакой историчности там не осталось.

А. КАМЕНСКИЙ. Была опера в концертном исполнении.

А. ГОНЧАРОВ. В том-то и дело. Поэтому мы должны говорить о том, какие иллюстрации должны быть сохранены.

Я тоже понимаю, что начисто отказаться от иллюстрации было бы просто вредно: бы человечество лишилось бы большей труппы эстетических наслаждений. Но мне думается, что можно говорить и об условной иллюстрации, которую я называю лирическими аккомпанементом или ассоциативным изображением рядом. Она очень интересна, но и опасна. Когда вы берете, скажем, иллюстрацию Фаворского, заглядываете также и исторический портрет — сопоставляете Пушкину и тому времени, которое он изображает...

А. ГОНЧАРОВ. И прощел по ним.

А. КАМЕНСКИЙ. Смажем так буквально проиллюстрировал. Но в какой-то степени духовный скандал в его иллюстрациях почти отсутствует — там все-таки немалое плоское начало.

Его почти что современник Домье...
А. ГОНЧАРОВ. Все правильно.

А. КАМЕНСКИЙ. Понимаете? Домье пошел другим путем: он взял более гротескно, трагично, напряженно, более современно. И эти вещи Домье — они уже приближаются к тому ряду, о котором вы говорите с таким сомнением.

А. ГОНЧАРОВ. Не сомнением — с опасением.

А. КАМЕНСКИЙ. С опасением, да. Однако время показало, что при всем моем уважении к Доре, Сервантесу у Домье гораздо больше. Так же, как, кстати, и у Пикассо, который дал свой вариант: это уже иллюстрация современника — горный скелес XX века, какое-то трагическое безверие, душевный надлом. И почему беру это в сравнение? Потому что у Сервантеса оказался ближе тот, кто формально отошел от него дальше.

А. ГОНЧАРОВ. Но все-таки оказалось, что Домье следовал каким-то духовным и формальным традициям великого европейского искусства, что он чем-то измерялся.

А. КАМЕНСКИЙ. А художник, который ничем не измерялся, — это просто баблора, потому что у него за душой ничего нет.

А. ГОНЧАРОВ. Вот я больше всего боюсь этих

читателей, как-то оторваться от мира научных абстракций. Художники, работающие в этом жанре, прибегают к иронии, эксцентризму, очень много экспериментируют. Не всегда эти эксперименты удачны. Но «необходимость» странного мира современной науки и техники они, в общем, показывают свежо и остро, очень неожиданно, но по сути верно, в духе нашего времени.

Также и иллюстрация в классике. Она хороша тогда, когда живет духовным опытом своей поры и переживает какой-то мост от эпохи, когда происходило действие, до наших дней.

А. ГОНЧАРОВ. А как практически это выражается?

А. КАМЕНСКИЙ. На это могут ответить ваши собственные иллюстрации к Шекспиру. Разве можете вы сказать, что занимались только воспроизведением костюмов эпохи? Или просто повторили ситуационные положения лекционных писец? Вы дали свое, современное прочтение произведений, создали собственный спектакль по Шекспиру.

А. ГОНЧАРОВ. Да, я вас понимаю. Но я хочу сказать, что вот я такая форма иллюстрации возникает. Опасен тот, кто не может быть ничем проверен. Ну как сказать: хорошая она или плохая?

А. КАМЕНСКИЙ. Если вы хотите проверить внутреннюю логику образа — это главное. Но я понимаю, что вы опасаетесь безграничного произвола иллюстратора по отношению к тексту, да?

А. ГОНЧАРОВ. Это самое страшное.

А. КАМЕНСКИЙ. Но есть же общие контуры образа, однако наполнение может в какой-то степени колебаться. Во всяком случае, я считаю, что наименее важная задача иллюстратора — иллюстрировать текст. Ведь что произошло? Неясно, повторю, малокультурный артист и читатель, который ищет много «художничества» — художник в кавычках, разумеется.

А. ГОНЧАРОВ. Вот мне и хочется сказать, что такая ассоциативная иллюстрация, не рассчитанная на малокультурного читателя, уже возникает. Я это говорю еще, может быть, потому, что она меня самого сейчас интересует, несмотря на возраст, когда уже надо подходить к ней по-другому. Но всегда страшно, что тут возможен произвол...

А. КАМЕНСКИЙ. Ну почему? Вот я вам приведу классический пример. Когда-то Доре проиллюстрировал «Дон Кихота», создав замечательные точные и нервные типы Дон Кихота и Санчо Пансы. Все другие художники — иллюстраторы «Дон Кихота» — так или иначе варируют образы Доре, словно бы он запечатлел реально существовавших людей. Но вот Доре, хотя и в самом высоком смысле слова, был именно иллюстратором: он все-таки взял основные сюжетные положения...

А. ГОНЧАРОВ. И прощел по ним.

А. КАМЕНСКИЙ. Смажем так буквально проиллюстрировал. Но в какой-то степени духовный скандал в его иллюстрациях почти отсутствует — там все-таки немалое плоское начало.

Его почти что современник Домье...
А. ГОНЧАРОВ. Все правильно.

А. КАМЕНСКИЙ. Понимаете? Домье пошел другим путем: он взял более гротескно, трагично, напряженно, более современно. И эти вещи Домье — они уже приближаются к тому ряду, о котором вы говорите с таким сомнением.

А. ГОНЧАРОВ. Не сомнением — с опасением.

А. КАМЕНСКИЙ. С опасением, да. Однако время показало, что при всем моем уважении к Доре, Сервантесу у Домье гораздо больше. Так же, как, кстати, и у Пикассо, который дал свой вариант: это уже иллюстрация современника — горный скелес XX века, какое-то трагическое безверие, душевный надлом. И почему беру это в сравнение? Потому что у Сервантеса оказался ближе тот, кто формально отошел от него дальше.

А. ГОНЧАРОВ. Но все-таки оказалось, что Домье следовал каким-то духовным и формальным традициям великого европейского искусства, что он чем-то измерялся.

А. КАМЕНСКИЙ. А художник, который ничем не измерялся, — это просто баблора, потому что у него за душой ничего нет.

А. ГОНЧАРОВ. Вот я больше всего боюсь этих

читателей, как-то оторваться от мира научных абстракций. Художники, работающие в этом жанре, прибегают к иронии, эксцентризму, очень много экспериментируют. Не всегда эти эксперименты удачны. Но «необходимость» странного мира современной науки и техники они, в общем, показывают свежо и остро, очень неожиданно, но по сути верно, в духе нашего времени.

Также и иллюстрация в классике. Она хороша тогда, когда живет духовным опытом своей поры и переживает какой-то мост от эпохи, когда происходило действие, до наших дней.

А. ГОНЧАРОВ. А как практически это выражается?

А. КАМЕНСКИЙ. На это могут ответить ваши собственные иллюстрации к Шекспиру. Разве можете вы сказать, что занимались только воспроизведением костюмов эпохи? Или просто повторили ситуационные положения лекционных писец? Вы дали свое, современное прочтение произведений, создали собственный спектакль по Шекспиру.

А. ГОНЧАРОВ. Я же говорю: Возрождение. А я бы прочел «Пир в чужую сторону»: менее лирично, если так можно выразиться, более трагично. Я чувствую, что смог бы выразить эту порче, если бы мне удалось в трагедию приослаться. Тем самым я был бы похож на то, что сделал Владимир Андреевич, хотя, может быть, у меня вышло бы и хуже. Но уже по одной этой причине «закрыть» Пушкина — никак нельзя.

А. КАМЕНСКИЙ. Приходится напечатать очевидную истину: иллюстратор — такой же художник, как и все другие, наш современник, гражданин, человек, дышащий одним воздухом с нами. Он, бесспорно, испытывает глубочайшую творческую потребность в иллюстрации к классике, и в тех произведениях, которые «впрямую» посвящены современности.

Истинно хотя бы детскую книгу? Тут у нас отменные традиции. Поколения советских читателей выросли на рисунках Лобачева и Комаровича. Их иллюстрации всегда полны мирового начека, всею театральности, и возмущают в нас очень много, вместе с тем в них очень много зорких и точных мизансценных наблюдений, глубокого ощущения и выражения времени.

Именно от такой традиции, широко лежат, идут лучшие художники детской книги. Например, Май Митурчи, Май Митурчи, Май Митурчи, всегда полны мирового начека, всею театральности, и возмущают в нас очень много, вместе с тем в них очень много зорких и точных мизансценных наблюдений, глубокого ощущения и выражения времени.

А. ГОНЧАРОВ. Я хочу сказать: когда художник берется за дело, потому что его толкает на это вся художественная и человеческая сущность, тогда получаются иллюстрации в самом высоком смысле слова. А когда это только «художественно-технический» труд, тогда все оказывается односторонней или чем-то, что зрителя уже не затрагивает и никак не чувствует в нем не возбуждает.

А. КАМЕНСКИЙ. Такой же водораздел есть в работе некоторых наших художников. Если взять, скажем, огромную лавину иллюстраций, посвященных Достоевскому, то там довольно четко можно отделить вещи, в которых что-то есть и от Достоевского, и от современности, от тех вещей, где все идет от желания показать себя и «пофигурать». Но ведь были, между прочим, и очень хорошие вещи экспериментального плана — вы помните выставку?

А. ГОНЧАРОВ. У Пивоварова там были хорошие иллюстрации...

А. КАМЕНСКИЙ. И у Попова...

А. ГОНЧАРОВ. Хорошие, очень хорошие. У Пивоварова отличные офорты.

А. КАМЕНСКИЙ. Видите, мы уже назвали несколько вещей...

А. ГОНЧАРОВ. Почему же? Не так мало хороших работ...

А. КАМЕНСКИЙ. Я еще хочу сказать, что бывают удивительные снайперские попадания: иногда достаточно одной удачной иллюстрационной серии, чтобы на определенный отрезок времени материал исчерпывался. Классический пример — работа Попова Ладина Гашеком: он, кажется, все сказал о Швейке. Созданным Ладой психологическим типом можно уже пользоваться, как маской, давая ей новую жизнь в иных ситуациях, что мы делали и в Ю-е годы, и позже. Однако никто еще не исчерпал Шекспира, Гомера, Данте, Пушкина — ни в нет границ. Дать великие вещи Фаворского — значит мешать появляться новым иллюстрациям к Пушкину.

А. ГОНЧАРОВ. Что вы хотите, нет. Я вот ученик Владимира Андреевича Фаворского и отношусь к его памяти и ко всему, что он сделал, с великим благоговением, но я бы, например, «Пир во время чумы» сделал по-другому. Владимир Андреевич прочел его все-таки в лирическом плане. Он внешне сделал иллюстрацию неумолимо в стиле итальянских под которыми он сидит во время пира, какое-то воспоминание о великой итальянской классике — это то, что ему всегда хотелось сделать.

А. КАМЕНСКИЙ. С моей точки зрения, у Фаворского «Пир во время чумы» — трагедия чистых душ в злом и бесчеловечном мире. Мир и люди противопоставлены друг другу. Заметьте, какой там вообще пейзаж: пустынный город, острый, колючий, какой-то непереносимый для людей. А в центре стоит Председатель, поющий гимн в честь чумы, — помните? Он поет на языке пламени, ему судно стонет после яркой вспышки, там метафора очень интересна. Параллель между жестким, холодным миром и горящей душой — это гениально решено. Но, конечно, может быть другое решение, потому что у Пушкина на все-таки больше горечи...

А. ГОНЧАРОВ. Да!

А. КАМЕНСКИЙ. Но Владимир Андреевич — он был человек с...

Так вот, когда мы издаем к юбилею — Данте или еще кого, — тогда этому делу уделяется внимание, тогда действительно книги готовятся по «индивидуальному рецепту». А все остальное очень часто у нас идет «антеном» — так. Тут уж даже не до проследения...

А. КАМЕНСКИЙ. Но я все-таки по-прежнему думаю, что иллюстрация должна не столько преследовать узкопросветительские цели, сколько размышлять, переживать и возносить читателя к небесам поэзии. Иллюстрация должна быть не хрестоматийной тавтологией текста, но живой и страстной беседой с современным читателем, что его волнует и заботит. Иначе этот жанр умрет. Книга как художественный организм во всех своих аспектах и измерениях — от шрифта и формата до конкретно-образовательных деталей — должна светиться отдаленными жилами века, быть проповедником красоты и духовного влечения современника. Вот, как мне кажется, «программа-максимум» для мастеров книжной графики!

Запись диалога и фото Григория Цириняка

ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ И БРАТСТВА

СЕРДЕЧНЫЕ ВСТРЕЧИ НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ЕДИНСТВО!

Казалось бы, тридцать лет — не такой уж большой отрезок времени, если мыслить историческими категориями. Но 30 лет новой Польши — это целая эпоха в жизни государства, существующего тысячу лет.

22 июля 1944 года в Халме — первом из освобожденных Советской Армией польских городов — был опубликован манифест, провозглашающий образование народной Польши. В стране еще бесчинствовали гитлеровские оккупанты, а манифест, опубликованный Польским комитетом национального освобождения, уже говорил о восстановлении, о налаживании мирной жизни и — что самое важное — о новом социальном строе в Польше.

Свобода пришла с Востока. Вместе с Советской Армией сражались и Войско Польское. Во главе народа стояли коммунисты, программа которых сплела все прогрессивные, свободолюбивые силы Польши. Это определило направление развития, суть прав образований.

За 30 лет Польша превратилась в страну с мощной современной промышленностью, развитым сельским хозяйством, а страну, где обрываются и культура доступны каждому. Как никогда, высок ее авторитет на международной арене.

Подводя итоги, обычно называют данные, которые можно сравнить количественно: прирост продукции, увеличение числа школ, развитие жилищного строительства. Но не только эти факты свидетельствуют о глубине происшедших у нас перемен. Облик народа, его чаяния, его развитие наиболее отчетливо отражаются в общественном сознании. Сегодняшняя социалистическая Польша — это страна людей, сплоченных и уверенных в своем будущем, в своей безопасности.

Участие в праздниках Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева стало волнующей демонстрацией братства, нерушимой дружбы, общности целей польского и советского народов. Чувства, с какими встречали в нашей стране товарища Л. И. Брежнева, а в его лице — всех советских людей, нашли выражение в горячих приветствиях и поздравлениях, вступая в дружелюбный диалог с товарищем. Встреча с ним была для нас событием, которое мы будем помнить долго. Мы приветствовали его и как испытанного друга польского народа, и как представителя государства, которое

связано с нами узлами братского и дружеского добрососедства, опирающегося на самую прочную основу — единство людей труда. Время показало, какое огромное значение имеет обоюдное стремление к углублению политического и экономического сотрудничества между нашими странами, сотрудничество как двустороннее, так и многостороннее — в рамках Варшавского Договора и СЭВ, на основе вхождения в жизнь комплексной программы социалистической экономической интеграции. Как соратник Советского Союза, как социалистическое государство, которое вместе с другими членами социалистического содружества ак-

тивно участвует в борьбе за международную безопасность, Польша полностью поддерживает внешнею политику, проводимую КПСС. Говоря о роли социалистического содружества на международной арене, товарищ Л. И. Брежнев отметил в своей речи в сейме: «...Наша страна действует согласованно, сообща твердо и последовательно ведут курс на укрепление международной безопасности. Это — ясный и честный курс. Он вытекает из самой сути социалистического строя. Социализм — это, пожалуй, самый влиятельный фактор мировой политики. Мы им гордимся тем, что влиятельно его благоприятно для народов. Ведь это факт, това-

рщью, что сейчас практически все сколько-нибудь крупные шаги к миру и разностороннему взаимовыгодному сотрудничеству государств прямо или косвенно связаны с инициативами и активными социалистическими действиями социалистических государств». Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Эдвард Герек убедительно выразил нашу позицию в сфере международной политики. «Наша партия и весь польский народ», — сказал он, — «видят в линии международного сотрудничества КПСС самый верный и самый эффективный путь борьбы за укрепление позиций социализма, за свободу и независимость народов, за прочный мир и успешное развитие междуна-

родного сотрудничества». Польский народ отмечает годовщину народного возрождения и победы социализма, по праву гордится достигнутыми успехами и твердо знает, что успехи эти — залог дальнейшего прогресса страны, построения в Польше развитого социалистического общества. Празднование тридцатилетия народной Польши, волнуящее встречи с Леонидом Ильичем Брежневым еще раз подтвердили нерушимую братскую дружбу наших стран, наших партий, наших народов.

Юзеф ВАРЦЕВИЧ, главный редактор газеты «Трибуна людей» Тедефоса спец. корр. ТАСС в ВУАЗАБЕЛЬЯ и В. СОВОЛЕВА

СЕМЬ ДНЕЙ В ИЮЛЕ...

ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ

ИНТЕРЕС

СОТРУДНИЧЕСТВУ

В Советском Союзе находится видный американский промышленник, председатель совета директоров корпорации «Кайзер Индустри» Эдгар КАЙЗЕР. Этот индустриал в настоящее время принадлежит 235 крупным промышленным объектам в Соединенных Штатах. «Кайзер Индустри» играет важную роль в добыче полезных ископаемых, производстве алюминия и цемента. Эдгар Кайзер и руководит корпорацией проявляет большой интерес к сотрудничеству с Советским Союзом в различных отраслях науки и техники.

Во время своего пребывания в Москве Эдгар Кайзер посетил редакцию «Литературной газеты». В беседе с корреспондентом «ЛГ» Я. ВОЙНЫМ он сказал: — На мой взгляд, развитие торговых отношений между нашими странами ведет к улучшению взаимопонимания. Мы уже установили серьезные деловые и долгосрочные контакты с Советским Союзом, считая их выгодными для обеих сторон. Могут смело утверждать, что уже в самом ближайшем будущем мы достигнем конкретных результатов на этом пути. Нам есть чему поучиться друг у друга, например, в области добычи угля. В нашей стране разработаны перспективные методы технологии добычи угля открытым способом. Авторитетные советские специалисты говорили мне, что вы хотели бы перенять у нас то лучшее, что достигнуто в этом направлении. С другой стороны, нас привлекает ваша технология добычи угля гидромониторным способом. Хочу отметить: она современнее, чем, например, в США и Японии. Общие

Кипр — бывшая английская колония — был объявлен независимой республикой в 1960 году. Однако цюрихско-лондонские соглашения, провозгласившие создание на Кипре самостоятельного государства, значительно ограничили его суверенитет. В стране сохранялись английские военные базы. Предусматривалось введение турецких и греческих войск. Принятая конституция искусственно разделила и противопоставляла друг друга греческое и турецкое население. Тем не менее эти соглашения явились крупной победой народа Кипра в его борьбе за национальное освобождение, открывшей перспективу для демократических социальных преобразований в стране.

За короткий срок молодое государство доказало свою жизнеспособность. Росту международного авторитета Республики Кипр, ставшей в сентябре 1960 года членом ООН, способствовал проводимый ее правительством во главе с архиепископом Макариосом внешнеполитический курс неприсоединения и политического и военного блокажа.

В конце 1963 года усилились некоторые державы НАТО, стремившиеся столкнуть Кипр с позиций нейтралитета и поставить его под свой военный контроль, были спровоцированы вооруженные столкновения между греческим и турецким населением. Кипрский вопрос стал предметом обсуждения в Совете Безопасности, по решению которого на остров были направлены войска ООН.

25 февраля 1968 года президентом республики был переизбран архиепископ Макариос. Попытки империалистических держав заставить его правительство отказаться от политики неприсоединения натолкнулись на решительное сопротивление народа и привели к сплоченно антимпериалистическим силам. В середине 1968 года начались переговоры между представителями кипрских греков и турок об урегулировании существующих разногласий в рамках единого самостоятельного государства. Однако определенные круги НАТО стремились сорвать эти переговоры, настояя на поощрении местную реакцию на

«Скорбящая мать Кипра» Скulptура Никоса ФЕОДОРИДАСА

выступление против правительства Макариоса. В марте 1970 года было совершено покушение на президента. Для осуществления своих замыслов международная империалистическая реакция опиралась на военный режим в Греции и его агентам на Кипре, группировавшимся вокруг бывшего руководителя военной организации ЭОКА Гриваса. Греческая военная зунта постоянно вме-

шествовала, чтобы архиепископ Макариос отказался от светской власти. Все эти действия были осуждены подавляющим большинством кипрского народа. В феврале 1973 года Макариос был вновь избран президентом республики.

Прошло немногим более года. И на Кипре произошли трагические события, возникшие в результате жадности прикрытой агрессии греческо-

го военного режима. 15 июля так называемая национальная гвардия, возглавляемая греческими офицерами, произвела военный переворот. Мир облетело сообщение Макариоса, которое он передал через радиостанцию города Пафос: «Я жив... я жив... Пока я жив, зунта не уйдет с присоединения наш остров. Попытка поднять восстание была инспирирована реакционным правительством в Греции, которое хочет спровоцировать беспорядки на Кипре...» Судя по тому, как развивались события далее, неудавшимся в свое время план «Астрели» был снова приведен в действие. Правда, завет ключевых позиций в стране проходил явно не так, как хотели бы вдохновители путча. Охрана президентского дворца оказалась ожесточенное сопротивление мятежникам. Полицейские части и силы безопасности австралийцев правосудиями национальных гвардейцев огнем. Уличные бои разгорелись в Ларнаке и Фамагусте.

Тем временем в Никозии было срочно объявлено о формировании нового «правительства», в «президентом» назначен издатель и редактор газеты «Матхи» Никос Самсон. Краткую биографию новоявленного «президента» опубликовала «Нью-Йорк таймс»: «30 января нынешнего года, когда хоронили генерала Гриваса, с главным словом выступил Никос Георгиадес Самсон. Он появился у

лу греческих офицеров. Интервенция армянской зунты против Республики Кипр приняла широкие масштабы. 17 июля начали поступать сообщения о кровавых расправах со сторонниками законного правительства, оказавшимся в руках мятежников. Такова была ситуация на Кипре, когда президент Макариос вылетел в Нью-Йорк, чтобы выступить на экстренном заседании Совета Безопасности ООН.

Мировое общественное мнение гласно и решительно прерогировало на действия греческой военщины, поставившей под угрозу не только независимость и территориальную целостность Кипра, но и мир в восточной части Средиземноморья. Уже 16 июля на весь мир прозвучало Заявление ТАСС, в котором указывалось, что антиправительственный путч на Кипре, ответственность за который лежит на греческой военщине, рассматривается в Советском Союзе как действия, грубо попранные Устав ООН и общепризнанные нормы международного права... 18 июля было опубликовано Заявление Советского правительства. В нем подчеркивалось, что «весь ас основан считать справедливым складывающееся сейчас во всем мире мнение о том, что государственный переворот на Кипре фактически был спланирован определенными кругами НАТО, которые не утруждают независимое существование Республики Кипр, придерживающейся самостоятельной внешней политики — политики неприсоединения». 20 июля на Кипр высадилась армия Турции. Правительство Турции мотивировало свой шаг необходимостью защиты турецкой общины

КИПР

острова и заявил, что оно пошло на него после того, как удалось, что все мирные пути урегулирования конфликта исчерпаны. Оно подчеркивало, что его действия имеют целью восстановить независимость Кипра и власть его законного правительства.

Начались военные действия на Кипре. Одновременно поступили сообщения о продвижении греческих войск в сторону турецкой границы из Салоники и Кавалы.

21 июля Совет Безопасности ООН на своем третьем экстренном заседании единогласно принял резолюцию, требующую немедленного прекращения иностранной военной интервенции против Республики Кипр. С новым Заявлением о положении на Кипре выступило Советское правительство. Оно вновь подтверждало и решительно выступало за независимость и суверенитет Кипрского государства.

Сейчас, когда возвращается этот номер газеты, на многострадальной кипрской земле льется кровь. Правда, Турция и Греция официально объявили, что в соответствии с резолюцией Совета Безопасности согласны на прекращение огня, которое должно вступить в силу 22 июля, в 17 часов по московскому времени. Выступая на торжественном заседании сейма ПНР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Советский Союз, социалистические страны, асе миролюбивые государства решительно требуют положить конец военному вмешательству и востановить положение республики как независимого, суверенного государства, существовавшего до греческой агрессии». События на Кипре еще раз напоминают, что политический авантюризм и провал, попарное общепризнанные нормы международной жизни создают угрозу всеобщему миру и безопасности.

СПРАВКА «ЛГ»

КИПР: КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

15 июля так называемая национальная гвардия, возглавляемая греческими офицерами, произвела военный переворот. Мир облетело сообщение Макариоса, которое он передал через радиостанцию города Пафос: «Я жив... я жив... Пока я жив, зунта не уйдет с присоединения наш остров. Попытка поднять восстание была инспирирована реакционным правительством в Греции, которое хочет спровоцировать беспорядки на Кипре...» Судя по тому, как развивались события далее, неудавшимся в свое время план «Астрели» был снова приведен в действие. Правда, завет ключевых позиций в стране проходил явно не так, как хотели бы вдохновители путча. Охрана президентского дворца оказалась ожесточенное сопротивление мятежникам. Полицейские части и силы безопасности австралийцев правосудиями национальных гвардейцев огнем. Уличные бои разгорелись в Ларнаке и Фамагусте.

1. ПОД ВИДОМ ШКОЛЫ

Передо мной письма. Взяли разные. Числа не совпадают, да и слова не...

заводе имени М. И. Навалинина в 1974 году 3 миллиона рублей экономии...

Я представляю это себе так. Все средства, выделяемые для строительства...

Д. БРУНС. Главный архитектор Таллина, заслуженный архитектор Эстонской ССР, кандидат архитектуры

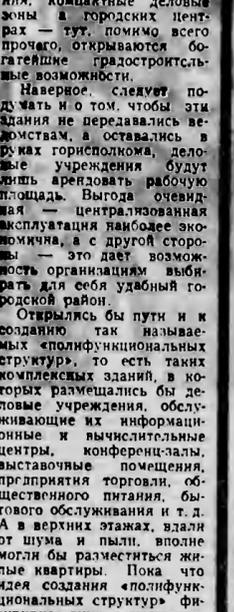
ЧЕРДАЧНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ — МЕСТО, МЕНЕЕ ВСЕГО ПРИСПОСОБЛЕННОЕ ДЛЯ РАБОТЫ... ОФИСОВ?

И вот в результате такой «сигногранной» деятельности по всему городу появляются блестящие новизны...

2. ГИПНОЗ ТЕРМИНОВ

Научно-техническая революция, составляющие ее основу идеи, проекты, новые конструкции и технологии...

Д. БРУНС. Главный архитектор Таллина, заслуженный архитектор Эстонской ССР, кандидат архитектуры

ЧЕРДАЧНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ — МЕСТО, МЕНЕЕ ВСЕГО ПРИСПОСОБЛЕННОЕ ДЛЯ РАБОТЫ... ОФИСОВ?

И вот в результате такой «сигногранной» деятельности по всему городу появляются блестящие новизны...

3. НЕ ИЗОБРЕТАЯ ВЕЛОСИПЕДА

И все же они строятся, эти рабочие помещения. Средства расходуются и материалы идут по разным служебным каналам...

ПОЧЕРК МОЛОДЫХ

За последние годы в республиках нашей страны, в городах и на селе появились интересные и значительные общественные сооружения...

Жилой комплекс в Сестрорецке (Г. Бураков, Первая премия)

Жилой комплекс в Сестрорецке (Г. Бураков, Первая премия)

ЗОДЧЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ

И ТАК. Лермонтову не нравился собор Василия Блаженного, Мопассану — Эйфелева башня, а Гоголю — барокко и ампиры...

Экспозиция «Мудрость Суз-Батора» в Монголии (А. Сычева. Первая премия)

удостоены на смотре первой премии. Интересные пенки и надзоры ступают почерк...

ТАК КИЕВСКИЙ ИСКУССТВОВЕД ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОС МОСКОВСКОГО АРХИТЕКТОРА: «НЕ ПОДОЖДАТЬ ЛИ, ЧТО СКАЖУТ ПОТОМКИ?»

Нам, потомкам, так же как и нашим предкам, свойственно то, что неизменно собственному человеку...

Лида ПОПОВА, кандидат искусствоведения. Слово чувства приближено к слову мысли...

Великий писатель видел в архитектурных формах древности подражание природе. Теперь это заблуждение...

Таком образом, мне представляется, что Гоголю на архитектурную сцену могли показаться парадоксальными его современниками...

«Все роды хороши, когда они хороши в своем роде. Иная быль была архитектура — глупая массовая египетская, огромная ли...

Д-р Арнольд Тойнби:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

С ТЕХ ПОР как два столетия назад началась промышленная революция, наша новая экономическая система требовала непрерывной ее в здоровом состоянии.

На первой стадии развития этой новой экономической системы хозяева механизированной индустрии обеспечивали «рост» за счет своих наемных рабочих, «туземцев», живших в еще не механизированных странах, и неупомянутой Природы. Заработная плата, которую вначале получали рабочие, занятые в механизированной индустрии, была низкой; немеханизированные производства Азии, Африки, Латинской Америки вынуждены были допускать на свои рынки западные товары по низким таможенным тарифам. Ограниченные запасы невозобновимых природных богатств нашей планеты (наземного угля, металлов, нефти) стали поглощаться в таких масштабах и такими темпами, которым не было прецедента.

В нынешнем столетии промышленные рабочие добились повышения своей заработной платы — этому помогло их объединение в профсоюзы. «Развивающиеся» страны воздвигли более высокие таможенные барьеры и создали за ними свою собственную механизированную индустрию. А разграбление Человеком Природы ныне грозит ему угрозой среды его обитания и истощением природных ресурсов.

В механизированных странах постепенное изменение — в пользу рабочих — соотношения сил между капиталом и трудом заставило обе эти спорящие стороны достичь соглашения: «роста» с большей энергией, чем когда-либо раньше. Рост ВНП (валового национального продукта) стал единственным средством удовлетворения неперекрываемых требований все новых и новых повышений заработной платы без утраты хозяевами промышленности своих прибылей. Однако «туземцы» и Природа стали теперь тоже действовать сообща, чтобы остановить рост ВНП механизированных стран.

Пока еще немногие политические деятели в этих странах осмысливали говорить правду своим избирателям. Но правда сама заставляет о себе так, что пропускать это мимо ушей невозможно. Недавние резкие повышения цен на нефть группой стран-производителей (ОПЕК) показали, что «туземцы» научились использовать свое monopolное положение в интересах собственной выгоды.

В так называемых «развивающихся» регионах Европы, Северной Америки, Советском Союзе, Японии — «рост» скоро прекратится. Больше того, развитие повернет вспять. На смену непрерывному экономическому росту придет непре-

рывный экономический спад. Как же механизированные страны собираются реагировать на этот страшный вывоз?

За последние два столетия большая часть их населения переместилась из деревень в города и бросила земледелие, чтобы работать в промышленности, а все их население выросло настолько, что уже не может жить только за счет своих собственных, возобновляемых ресурсов. Оно уже давно зависит от импорта дешевого сырья, топлива и продовольствия и от экспорта своих промышленных товаров на внешние рынки. Теперь, когда условия торговли обрываются против «развивающихся» стран в пользу стран «развивающихся», как народы «развивающихся» стран будут на это реагировать?

Они окажутся в перманентном «осадном положении», когда материальные условия жизни станут по меньшей мере такими же суровыми, какими они были в период обеих мировых войн. Те лишения были временными, а в перспективе — лишения постоянные, которые будут становиться все более и более суровыми. И что же произойдет?

Когда сами события заставят народы «развивающихся» стран признать непреложность новых фактов, их первый импульс будет агрессивным. Но так как они не смогут броситься на «туземцев» или на Природу, они бросятся друг на друга. Внутри каждой из «осажденных» стран образуются «развивающиеся» страны «развивающихся» стран обостряется борьба за контроль над их сократившимися ресурсами.

Тяжелое положение из-за этой борьбы только ухудшится, и ее надо будет как-то остановить. Ибо, если она не будет прекращена, это приведет к анархии и в конечном счете к атрофии населения в результате гражданских войн, голода и эпидемий, то есть того, что всегда в истории носило народы, переросшие рамки своих средств к существованию.

Вследствие этого во всех «развивающихся» странах придется установить новый — строго-настроено регламентированный — образ жизни, а сделать это смогут лишь действующие жестокие методы авторитарных правительств.

В надвигающемся на нас «осадном» положении жизни первой задачей таких авторитарных правительств будет введение шкалы дифференцированных ограничений на протяжении (таких названий, как заработная плата, жалование, гонорары или доходы, уже не будет) для всех профессий и для всех классов. У нас, в Англии, мы уже сейчас все согласны с тем, что «дифференциация» необходима и что она, в принципе, справедлива, только мы никак не можем договориться относительно ее нынешней шкалы. В дальнейшем, когда мы уже окажемся в перманентном «осадном положении», решать, какой быть этой шкале, будут власти, и установят они ее

ПОЛЕМИКА

Для идеологов «западного образа жизни» характерен глубокий пессимизм. Будущее человечества представляется им в исключительно мрачных тонах. И обшая пресса, и специальные издания пестрят «пророческими» статьями, предсказывающими чуждыми не восток цивилизации.

Следует ли извлекать из этих статей — одна принадлежат перу известного английского историка Арнольда Тойнби. Ему отвечает советский ученый, член-корреспондент АН СССР В. Афанасьев.

ПОЛЕМИКА

В принудительном порядке. Что будет принято за основу для установления такой шкалы? Дети и инвалиды, безработные и люди пенсионного возраста будут содержаться за счет налогов обложения ассигнований на прожитие, установленным для трудящегося населения. Размер же этих ассигнований должен быть пропорционален «общественной полезности» труда. Но как будет оцениваться эта «общественная полезность»?

Ученый, разрабатывающий методы повторного использования в производстве невозобновимых природных ресурсов, должен получать не меньше, чем машинист локомотива или шахтер, хотя полезность работы этого ученого может вылиться только через 30 лет.

В условиях экономики находящейся на «осадном положении», всякая частная собственность, — исключая, быть может, жилища дома (если это не дворцы), занимаемые их владельцами, — будет, вероятно, национализирована. Это революционные процессы, но они так же неизбежны, как реставляция цинка военного времени, которой мы вынуждены были подчиняться в прошлом. Результатом будет упразднение частного предпринимательства в экономической сфере. На экономии будут надеяться железные кандалы. В таких условиях, пожалуй, будет более приятно, да и вряд ли менее выгодно, быть простым учителем или священником, артистом или поэтом, чем менеджером национализированного предприятия или рабочим на сборочной линии, с которой сходат механизированные средства передвижения.

Общество, которое падает материальному упадку может возвыситься в духовном отношении. Вы можете, мы полагаем, вернуться к образу жизни первых христианских Монахов в Верхнем Египте или к ирландским последователям VI века. Утрача свое изобилие будет крайне тяжело, и смириться с ней будет, конечно, трудно. Но некоторых отношениях это может быть, тот случай, о котором говорит, не было бы счастья, да несчастье помогло, — нам надо лишь быть на высоте положения, сколь оно ни серьезно.

(Из английской газеты «Бейвэр») А РНОЛЬД ТОЙНБИ — мэтр современной буржуазной исторической науки, видный ученый, обогативший человечество знаниями о исчезнувших, так и ныне существующих цивилизациях — по преимуществу неевропейских. Основной труд А. Тойнби — «Исучение истории» в 12 томах. Суть концепции исторического процесса, которая положена в основу этого труда, состоит в отрицании преуспеваемости и прогресса в истории, в рассмотрении общества как констатации независимого существующих друг от друга цивилизаций в круговороте исторических явлений, в результате которого человечество возвращается, отбрасываясь к уже пройденным им этапам. Эта концепция довольно отчетливо просматривается и в статье, которая предлагается вниманию читателя. Правда, здесь А. Тойнби в качестве основы общественного движения берет не религию, как в «Исучении истории», а индустриальное развитие, научно-технический прогресс. Однако неправомерно, как это делает А. Тойнби, рассуждать об индустриальном развитии, прогрессе науки и техники без учета того, что в современном мире существуют две противоположные общественные системы — социалистическая и капиталистическая. Различная сущность этих систем, различные исторические судьбы, различные социальные и политические условия и последствия их индустриального развития. Капитализм — это общественный строй, сходящий с исторической сцены, социализм же и коммунизм принадлежат будущему. Коммунизм — общечеловеческая перспектива.

В своей статье А. Тойнби рисует картину роста капитализма, который он именует «явной» современной экономической системой, полагая, что этот рост достигался за счет «своих» наемных рабочих, живших в «забываемых» странах, за счет природы, причем по мере развития «явной» экономической системы «невосполнимые» природные богатства стали поглощаться в беспрецедентных масштабах и темпах. В настоящее время, как утверждает А. Тойнби, эти

источники роста исчерпали себя. Рабочие добились повышения заработной платы. Развивающиеся страны установили высокие таможенные тарифы, резко увеличили цену на нефть, да и сами развили промышленное производство. А разграбление природы грозит человеку загрязнением среды обитания и истощением природных ресурсов. В результате в развитых регионах рост скоро прекратится, более того — развитие повернет вспять. «Век изобилия» придет к концу.

А что же дальше — за «веком изобилия»?

Дальше, по А. Тойнби, — перманентные, все более суровые времена и обостренная борьба за природные богатства. И так, вероятно, будет продолжаться до 1980—1973 года.

В «Исучении истории» А. Тойнби рассуждает о возможности реализации своего способностей к труду? Суть по поводу нежизнеспособности средств к жизни,

Рассуждения А. Тойнби о возврате человечества к временам первобытного, примитивного коммунизма по своей сути своей несостоятельны.

Не выдерживают критики и его аргументы, связанные с историческим ростом капитализма. Так, например, никак нельзя согласиться с его словами о якобы существующей договоренности между трудом и капиталом. На деле происходит как раз обратное: обостряется борьба между трудом и капиталом, поскольку безудержная погоня за прибылью оборачивается для трудящихся в эпоху голода, безработицы, инфляции и других бедствий. Нет, совсем не в эпоху «забываемых» стран индустриализация восточных стран началась в 1950—1973 году.

В «Исучении истории» А. Тойнби рассуждает о возможности реализации своего способностей к труду? Суть по поводу нежизнеспособности средств к жизни,

человечества от вооруженных столкновений, от войн, то его принесет опять-таки коммунистическое общество.

Тревога А. Тойнби по поводу все усиливающегося загрязнения природной среды и истощения ресурсов вполне оправдана. Экологическая проблема необычайно сложна и многопланова, однако английским историком рассматривается ее в отрыве от кардинальных социально-политических проблем современности, что, разумеется, неправомерно. Ведь экологическая проблема в своей сути социальна. Она неразрешима в рамках капитализма, поскольку его святая святых — прибыль — неизбежно вступает в противоречие как с природой, так и экологическими интересами общества. Капиталистическое производство, наука и техника развиваются стихийно, а потому они нередко оставляют после себя пустыню. Об этом с тревогой писал еще Карл Маркс в письме к Фридриху Энгельсу 25 марта 1868 года. В том же письме К. Маркс отмечал, что

жизнь, но и обеспечить ему полноценную человеческую жизнь. Станут нелепыми, бессмысленными стяжательство, жестокость, эгоизм, лицемерие, ненависть и властолюбие. Высочайший гуманизм, человеколюбие, стремление к истинной радости и счастью всех других людей, внимательнейшее и бережливое отношение к человеку станут основным этическим принципом в отношениях людей. Счастье каждого будет органически вложено в счастье всех. Человек навсегда избавится от повседневных забот о куске хлеба, от соображений выгоды, и это позволит ему посвятить себя служению высоким интересам — интересам общества, интересам всего трудового человечества. Что касается грубого, уравнилельного коммунизма, основанного на нивелировании потребностей, на представлении о нем минимуме, то он, писал К. Маркс, означает не что иное, как отрицание личности человека. Этот «коммунизм» исходит из «абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к естественной простоте бедности и не имеющей потребности человека», а потому он не может быть принят рабочим классом. Коммунизм несомненно с нивелировкой потребностей и жизненных интересов людей. Он утверждает равенство возможностей, а равенство возможностей и условий для их удовлетворения.

Это означает, что все члены общества соответственно своим индивидуальным особенностям будут полностью удовлетворять свои разнообразные потребности. Все люди будут вдохновлены, творчески трудиться, жить полноценной и счастливой жизнью. Научный коммунизм полностью отвергает представление о будущем обществе как обществе бедности и праздности, как волшебной скатерти-самобранке, способной дать человеку все, что только его душе угодно. В работе «Государство и революция» В. И. Ленин высмеивал представление о коммунизме как об обществе, в котором каждый будет получать «без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трофеев, автомобиль, пшанино и т. п.». В. И. Ленин писал, что коммунистическое общество, кроме высочайшей производительности труда, предполагает нового человека, далекого от обывателя, «способного «эря» — вроде как буржуа — портишь склады общественного богатства и требовать невозможного». Ленин считал необходимым в процессе строительства коммунизма воспитывать разумные и здоровые потребности людей, хозяйничать экономно, беречь народное добро, в полной мере использовать его в интересах людей. Первейшей жизненной потребностью человека в условиях развитого коммунизма будет творческий, социальный труд, труд в полную меру своих способностей.

Коммунизм ликвидирует социальный антагонизм, кладет начало эпохе небывало быстрого, всестороннего и гармонического развития общества и человека, свободного развертывания их творческих потенций. С коммунизмом, писал К. Маркс, начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы...»

К этому обществу человечество движется. И оно придет к этому обществу.

АРНОЛЬД ТОЙНБИ В ПОЛОЖЕНИИ ЛЖЕПРОРОКА

В. АФАНАСЬЕВ, член-корреспондент Академии наук СССР

А. Тойнби умалчивает о расточительности буржуазных классов, живущих в изобилии, богатства за счет эксплуатации миллионов и миллионов людей труда. Кстати говоря, даже в самые тяжелые военные времена, о которых пишет А. Тойнби, элита капиталистического общества отнюдь не была «на осадном положении» и не оказалась в нем, пока властвовал. Ее не коснется никакая регламентация, никакое нормирование.

Недостаток средств к жизни грозит человечеству, а крайне несправедливое их распределение в значительной части мира — мире не социалистическом.

Нельзя согласиться и с утверждением А. Тойнби о том, что страны ОПЕК помыслили о нефти лишь ради получения прибыли. Главная причина — стремление развивающихся стран покончить с вопиющей несправедливостью, когда их природными богатствами беззастенчиво распоряжаются иностранцы — монополисты, наживая на этом огромные барыши. Ведь хорошо известно, что лишь незначительную часть поступлений от реализации нефти получают страны-производители, тогда как нефтяные компании заберегут 400 процентов прибыли.

А. Тойнби прав, когда пишет об обострении борьбы за контроль над природными ресурсами. Эта борьба действительно обостряется, хотя отнюдь не в «забываемых» странах. Развитие вооруженных форм. Разве не свидетельствует об этом тот факт, что все большее сопротивление в отношениях между государствами с различным социальным строем находит сейчас принцип мирного сосуществования, что успешно реализуется выдвинутой XXIV съездом МСС Программой мира, что набирает силу процесс разрядки международной напряженности? Что касается окончательного избавления

от вооруженных столкновений, от войн, то его принесет опять-таки коммунистическое общество.

Тревога А. Тойнби по поводу все усиливающегося загрязнения природной среды и истощения ресурсов вполне оправдана. Экологическая проблема необычайно сложна и многопланова, однако английским историком рассматривается ее в отрыве от кардинальных социально-политических проблем современности, что, разумеется, неправомерно. Ведь экологическая проблема в своей сути социальна. Она неразрешима в рамках капитализма, поскольку его святая святых — прибыль — неизбежно вступает в противоречие как с природой, так и экологическими интересами общества. Капиталистическое производство, наука и техника развиваются стихийно, а потому они нередко оставляют после себя пустыню. Об этом с тревогой писал еще Карл Маркс в письме к Фридриху Энгельсу 25 марта 1868 года. В том же письме К. Маркс отмечал, что

жизнь, но и обеспечить ему полноценную человеческую жизнь. Станут нелепыми, бессмысленными стяжательство, жестокость, эгоизм, лицемерие, ненависть и властолюбие. Высочайший гуманизм, человеколюбие, стремление к истинной радости и счастью всех других людей, внимательнейшее и бережливое отношение к человеку станут основным этическим принципом в отношениях людей. Счастье каждого будет органически вложено в счастье всех. Человек навсегда избавится от повседневных забот о куске хлеба, от соображений выгоды, и это позволит ему посвятить себя служению высоким интересам — интересам общества, интересам всего трудового человечества. Что касается грубого, уравнилельного коммунизма, основанного на нивелировании потребностей, на представлении о нем минимуме, то он, писал К. Маркс, означает не что иное, как отрицание личности человека. Этот «коммунизм» исходит из «абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к естественной простоте бедности и не имеющей потребности человека», а потому он не может быть принят рабочим классом. Коммунизм несомненно с нивелировкой потребностей и жизненных интересов людей. Он утверждает равенство возможностей, а равенство возможностей и условий для их удовлетворения.

Это означает, что все члены общества соответственно своим индивидуальным особенностям будут полностью удовлетворять свои разнообразные потребности. Все люди будут вдохновлены, творчески трудиться, жить полноценной и счастливой жизнью. Научный коммунизм полностью отвергает представление о будущем обществе как обществе бедности и праздности, как волшебной скатерти-самобранке, способной дать человеку все, что только его душе угодно. В работе «Государство и революция» В. И. Ленин высмеивал представление о коммунизме как об обществе, в котором каждый будет получать «без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трофеев, автомобиль, пшанино и т. п.». В. И. Ленин писал, что коммунистическое общество, кроме высочайшей производительности труда, предполагает нового человека, далекого от обывателя, «способного «эря» — вроде как буржуа — портишь склады общественного богатства и требовать невозможного». Ленин считал необходимым в процессе строительства коммунизма воспитывать разумные и здоровые потребности людей, хозяйничать экономно, беречь народное добро, в полной мере использовать его в интересах людей. Первейшей жизненной потребностью человека в условиях развитого коммунизма будет творческий, социальный труд, труд в полную меру своих способностей.

Коммунизм ликвидирует социальный антагонизм, кладет начало эпохе небывало быстрого, всестороннего и гармонического развития общества и человека, свободного развертывания их творческих потенций. С коммунизмом, писал К. Маркс, начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы...»

К этому обществу человечество движется. И оно придет к этому обществу.

А. Тойнби умалчивает о расточительности буржуазных классов, живущих в изобилии, богатства за счет эксплуатации миллионов и миллионов людей труда. Кстати говоря, даже в самые тяжелые военные времена, о которых пишет А. Тойнби, элита капиталистического общества отнюдь не была «на осадном положении» и не оказалась в нем, пока властвовал. Ее не коснется никакая регламентация, никакое нормирование.

Недостаток средств к жизни грозит человечеству, а крайне несправедливое их распределение в значительной части мира — мире не социалистическом.

Нельзя согласиться и с утверждением А. Тойнби о том, что страны ОПЕК помыслили о нефти лишь ради получения прибыли. Главная причина — стремление развивающихся стран покончить с вопиющей несправедливостью, когда их природными богатствами беззастенчиво распоряжаются иностранцы — монополисты, наживая на этом огромные барыши. Ведь хорошо известно, что лишь незначительную часть поступлений от реализации нефти получают страны-производители, тогда как нефтяные компании заберегут 400 процентов прибыли.

А. Тойнби прав, когда пишет об обострении борьбы за контроль над природными ресурсами. Эта борьба действительно обостряется, хотя отнюдь не в «забываемых» странах. Развитие вооруженных форм. Разве не свидетельствует об этом тот факт, что все большее сопротивление в отношениях между государствами с различным социальным строем находит сейчас принцип мирного сосуществования, что успешно реализуется выдвинутой XXIV съездом МСС Программой мира, что набирает силу процесс разрядки международной напряженности? Что касается окончательного избавления

По горным дорогам...

Фото А. ХРУПОВА

меня не было в его детстве, и встретилась с ним в Лондоне, когда ему было 45 лет. К тому времени он оставил свои детские годы далеко позади и редко о них вспоминал.

Я спрашиваю, не будут ли по случаю юбилейной даты опубликованы новые исследования о Хемингуэе и его творчестве.

— Любя все время пишу диссертации, чтобы получить стипендию, чтобы начать зарабатывать больше денег. Этому не видно конца. Но я не внаю диссертаций о Хемингуэе, специально приуроченных к годовщине.

работала журналисткой, о том, как они затем встретились в Париже. Узнал о том, как она чуть не умерла от внематочной беременности — врачи уже сказали Эрнесту: «Ирройсьте!».

Но ее воля к жизни победила. Потом были травмы авиационной катастрофы, была трагедия самоубийства ее матери. Наконец, длительная болезнь уже этой зимой. Никогда не догадываясь о пережитом, беседуя с энергичной, жизнерадостной, откровенно всякую сентиментальность женщины. Когда я спрашиваю, как лучше всего сформулировать то неуловимое, что можно на-

репортаж, основанный на фактах. Я ведь работала журналисткой и рассматриваю свои воспоминания как типично журналистскую работу. Моя книга представляет собой репортаж о событиях, пейзажах, разговорах, взглядах на протяжении нескольких десятилетий.

Я задаю деликатный вопрос о том, каковы шансы читателей познакомиться с новыми, еще не опубликованными произведениями Хемингуэя.

— Неопубликованные рукописи все здесь, в ящике, — говорит Мэри. — При решении вопроса о публикации я

оставил. И что в случае публикации писем мне придется обратиться в суд.

— По американским законам, — поясняет Мэри, — получатель письма является только собственником бумаги, на которой оно написано. Он может эту бумагу сжечь, может поставить в раму или вложить в альбом. Но автор письма является собственником содержания, и поэтому получатель не может опубликовать его без соответствующего разрешения.

— Какая судьба ожидает архив писателя?

— По завещанию, архивом распоряжается я. Я заключила контракт о передаче архива в мемориальную библиотеку Кеннеди (штат Массачусетс). У меня были предсказания от Колумбийского, Принстонского, Пейкского университетов, но неожиданно поступило предложение от Жаклин Кеннеди, и я согласилась. Я знаю американских авторов, которые предлагали свои бумаги библиотеке Кеннеди, но семья Кеннеди решила, что в их библиотеке будет архив лишь одного писателя — Эрнеста Хемингуэя. Я уже передала им почти все рукописи опубликованных произведений Эрнеста, а также много писем. Не знаю, сколько писем в архиве Льюиса Тоддста, но в архиве Эрнеста их весьма немало.

— По заключенному с библиотекой соглашению, — уточняет Мэри, — всякий человек, желающий получить доступ к архиву, должен получить от меня письменное разрешение.

— Пока что Мэри занимается другим, главным делом — закончить собственную книгу воспоминаний.

Потом Мэри Хемингуэй собирается посетить Советский Союз.

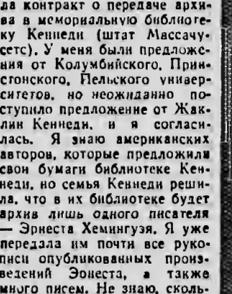
Я прошу у Мэри Хемингуэй фотографии для публикации в «Литературной газете». Мы садимся на пол перед сервантом, она открывает нижний ящик. Пакеты, коробки с фотографиями, коробки с пленками и диапозитивами. Смеемся над беспорядком.

— Что подешевит, руки не доходят! — восклицает Мэри.

— Но кое-что все-таки находим. Вы видите нашу находку на этой странице.

Эрнест и Мэри ХЕМИНГУЭЙ

Кристиан Барнард, пионер пересадки сердца, написал свой первый роман об отношении между представителями разных рас в медицинском мире ЮАР.

В ГОСТЯХ У МЭРИ ХЕМИНГУЭЙ

МЭРИ ХЕМИНГУЭЙ живет в Нью-Йорке, неподалеку от Центрального парка, в доме на углу Медисон-авеню и 65-й улицы, на 18-м этаже. О доме, квартире и ее радужной хозяйке уже писали сотрудники АПН Генрих Боровик и Михаил Брук.

Лестничная площадка отсутствует, дверь квартиры выходит в тамбур, прямо к двери в лифт. Рядом еще одна дверь — в квартиру соседей.

Я вижу, что здесь произошли перемены. Соседи съехали, и Мэри сняла освободившуюся квартиру, пробила проход в стене. Теперь ей живется просторнее; увеличился даже размер сада на соседней небоскребе. Правда, появилось две кухни, но хозяйка нашла применение второй — в ней она принимает гостей. Она вынимает из холодильника бутылку шампанского, и открывает, и мы поднимаем бокалы.

— Эрнест очень любил шампанское, — замечает Мэри.

Мэри показывает мне новую половину квартиры, еще не описанную журналистами.

Я показываю Мэри прихваченные с собой книги о Хемингуэе Вернона Клайма и Джеймса Маклендона, изданные в 1972 году.

— Эту я знаю, — говорит Мэри о первой. Это — бред. А вторую даже не видела.

Мэри берет книгу Маклендона в руки, читает: «В Кустов он жил, как хотел».

— Вот видите, — добродушно возмущается она. — Ведь это не совсем верно. Эрнест жил, как хотел всюду, где находился. Местное окружение на него не оказывало особого влияния. На него влиял, может быть, только сорт вина, который он пил...

— Единственная серьезная биогрфическая работа о писателе, — добавляет Мэри, — это книга Карлоса Бейкера «Жизнь Эрнеста Хемингуэя».

Бейкер — профессор Принстонского университета. Из его книги я узнал, как Эрнест встретил Мэри в Лондоне в годы войны, когда она

исхожу из двух принципов. Во-первых, качество публикации должно по меньшей мере соответствовать всему тому, что Эрнест напечатал при жизни.

— Не слишком ли высоко вы поднимаете планку? — перебиваю я.

— Может быть, — отвечает Мэри, — но я не гонюсь за деньгами. А второй мой принцип сводится к тому, что если на обложке написано «Хемингуэй», то это должна быть проза Хемингуэя и ничего другого: ни одной чуждой фразы. Можно расставить запяты и разбить длинное предложение на два коротких. Но нельзя допускать никаких изменений, что случается с книгами многих американских писателей, включая даже Марка Твена. Я не хочу этого допустить. Но с другой стороны, ничего из архива писателя я не уничтожаю.

— Есть в ящике, — продолжает Мэри, — большая рукопись, озаглавленная «Бабские куш». По моему мнению, полной публикации она не заслуживает. Дейст-

Речь заходит о другой части литературного наследия писателя — его письмах. В эпистолярном жанре Хемингуэй был очень активен.

— Деловых писем Эрнест не любил, — рассказывает Мэри. — Деловую переписку веда я, а я же платала по счетам. Единственные деловые письма, которые Эрнест писал сам, были письма к издателю его произведений Скрибнеру. Но друзьями он писал часто и много. Одновременно Лилиан Росс из журнала «Нью-Йоркер». Она готовила очерк об Эрнесте. Между нами завязалась длительная переписка. Можно привести в другие подобные примеры. Единственное уклонение, которое оставил мне Эрнест, касалось писем: никогда не публиковать, никогда не публиковать даже отрывка из них... Люди хотели предать гласности многие его письма; среди прочих хотела так поступить я Лилиан Росс. Я ответила, что не могу нарушить наказа Эрнеста, единственного наказа, который он

оставил. И что в случае публикации писем мне придется обратиться в суд.

— По американским законам, — поясняет Мэри, — получатель письма является только собственником бумаги, на которой оно написано. Он может эту бумагу сжечь, может поставить в раму или вложить в альбом. Но автор письма является собственником содержания, и поэтому получатель не может опубликовать его без соответствующего разрешения.

— Какая судьба ожидает архив писателя?

— По завещанию, архивом распоряжается я. Я заключила контракт о передаче архива в мемориальную библиотеку Кеннеди (штат Массачусетс). У меня были предсказания от Колумбийского, Принстонского, Пейкского университетов, но неожиданно поступило предложение от Жаклин Кеннеди, и я согласилась. Я знаю американских авторов, которые предлагали свои бумаги библиотеке Кеннеди, но семья Кеннеди решила, что в их библиотеке будет архив лишь одного писателя — Эрнеста Хемингуэя. Я уже передала им почти все рукописи опубликованных произведений Эрнеста, а также много писем. Не знаю, сколько писем в архиве Льюиса Тоддста, но в архиве Эрнеста их весьма немало.

— По заключенному с библиотекой соглашению, — уточняет Мэри, — всякий человек, желающий получить доступ к архиву, должен получить от меня письменное разрешение.

— Пока что Мэри занимается другим, главным делом — закончить собственную книгу воспоминаний.

Потом Мэри Хемингуэй собирается посетить Советский Союз.

Я прошу у Мэри Хемингуэй фотографии для публикации в «Литературной газете». Мы садимся на пол перед сервантом, она открывает нижний ящик. Пакеты, коробки с фотографиями, коробки с пленками и диапозитивами. Смеемся над беспорядком.

— Что подешевит, руки не доходят! — восклицает Мэри.

— Но кое-что все-таки находим. Вы видите нашу находку на этой странице.

КТО, ГДЕ, КОГДА

Рукопись

Два неизвестных рукописи Леонардо да Винчи, обнаруженные в 1965 году в Мадридской национальной библиотеке, готовятся к печати. Это время и издание в ряде стран. Это иллюстрированные рисунками записки, в которых Леонардо да Винчи фиксировал детали своих изобретений, давал анимированные записки, заметки. В США предполагается издать их в пяти томах: а первый два будут фактически воспроизведены рукописей, а третий — описание истории и значения находки, в последние два тома будет опубликован текст записных книжек в переводе на английский и итальянский языки.

Новый фильм Висконти

После почти двухлетнего перерыва, вызванного серьезной болезнью, выдающийся прогрессивный художник итальянского кино Луи-

КТО, ГДЕ, КОГДА

Висконти приступил к съемкам нового фильма «Семейная группа под одной крышей».

Герой фильма — американский профессор — одиноко живет в старинном римском дворце, окруженный книгами и семейными портретами. Не ожидая его одиночество нарушается. Усталая настойчивым просьбам незнакомой посетительницы, он сдает ей часть своего дворца. Рядом с ним поселяется люди, с которыми он не может найти психологического контакта. Как обычно в последних картинах Висконти, событийная нанизана рассказываемой историей — лишь повод для глубокого критического анализа морального распада буржуазного общества. Фильм, по словам Висконти, будет «трагическим».

Роль 60-летнего профессора исполняет известный американский киноактер Барт Паннастер.

Чтобы мир был лучше...

Поль Робсон, великий британский певец, актер, бор-

КТО, ГДЕ, КОГДА

Робсон по нездоровью не смог присутствовать на церемонии его награждения в Нью-Йорке. Но прислал письмо, в котором, в частности, говорится: «Всем молодым людям, черным и белым, которые так страстно борются за то, чтобы мир был лучше, и все ветераны среди вас, давним участникам этой борьбы, я говорю: так держитесь за мир и справедливость, был удостоен награды от своего профессора, ассоциацией авторов «Экзит»».

КТО, ГДЕ, КОГДА

Геннадий ГЕРАСИМОВ, корреспондент АПН и «Литературной газеты» НЬЮ-Йорк

Кристиан Барнард, пионер пересадки сердца, написал свой первый роман об отношении между представителями разных рас в медицинском мире ЮАР.

Роман под заголовком «Населенный» рассказывает о жизни белого и цветного врачей, выросших вместе. Роман будет в ближайшем времени издан на английском языке и на языке африканцев.

Профессор Барнард, критически относившийся к ЮАР, в 1967 году переехал в ЮАР, где он пересадил сердце. Он опубликовал автобиографию «Жизнь Кристиана Барнарда» в 1969 году. Книга была распродана еще до выхода в свет, а второе ее издание появилось месяц спустя после первого.

Я упивался музыкой русского языка...

В Сенегале проводится международная конференция посвященная 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Президент Сенегор в беседе с советскими представителями в Дакаре сказал, в частности, следующее:

«Я познакомился с произведениями Пушкина в 30-е годы, когда был студентом в Париже. Русская литература была тогда в моде, но для меня это была не просто мода: я чувствовал глубокое родство со славянской душой. Так и познакомился с поэзией Пушкина. Конечно, были французские переводы его произведений, но мои друзья читали мне поэмы Пушкина по-русски, и я упивался музыкой русского языка».

Россия внесла решающий вклад в европейскую и всемирную цивилизацию. Именно этот вклад Октябрьская революция обновила и расширила, особенно в научной области, в которой Россия сейчас в самых первых рядах».

Дорога никуда

Американский фильм «Южный экспресс» отменил на международном кинофестивале в Кане премией за лучший сценарий. Авторы его — Стивен Шилберг (он же режиссер картины «Белый бард» и «Матю Робинсон».

Действие фильма происходит на автомобильных дорогах Америки. По дорогам бегут, срываясь от преследо-

В ОП СИРЕН, душераздирающие вопли, выстрелы. Порывы ветра распахивают окна комнаты, в которой окаменевшие от страха люди ждут «южного света». В окна врываются крики проталкивающей мимо стая птиц. Это сцена из новой пьесы известного английского драматурга Дэвида Мерсера «Утиная песня».

В интервью, которое драматург давал корреспондентам английских журналов в процессе работы над пьесой, и в авторском предисловии, напечатанном в театральной программе, Дэвид Мерсер заявляет, что, перешагнув рубеж сорока лет, он теперь занят лишь одной темой — темой приближающейся смерти. Это не результат неизлечимой болезни или душевного срыва, перед которыми медицина бессильна, а острое ощущение надвигающейся катастрофы, якобы грозящей уничтожить все человечество. «Мы все стоим на краю гибели», — говорит главный герой Морис Шанглин.

Семидесятилетний хозяин дома Морис Шанглин в прошлом художник, доживает свои последние дни в постоянных распрях с домочадцами, такими же никчемными и озлобленными людьми, как он сам. Каждый предоставлен сам себе, их объединяет лишь одно — ненависть ко всему миру.

«Конфликт между принципами гуманизма и эгоцентризма перед лицом приближающейся трагедии становится особенно острым», — пишет рецензент журнала «Плей энд Плейер» Элен Доусон. «Все самое гнусное, что прет человек в тайниках своей души, прорывается наружу... Я провела грустный вечер. Аллодируя попытке Мерсера создать модель мира, такого горестного, как ни раньше он никогда его не видел, я думала лишь о том, что эта попытка должна была бы оказаться более плодотворной».

Судя по свидетельствам прессы, пьеса Мерсера действительно не свободна от рвения изложить как в композиционном, так и стилистическом плане. Но симптоматично другое. Аполитическая модель мира, созданная Мерсером, ко-
нцет пьесы Морган восседает на цветочной клумбе посреди большого двора психиатрической клиники...
Лишь безумцы способны на бунт против неуловимого мира — такая мысль проскальзывала в пьесах молодого Мерсера. На воскресный чай в гости к девушке из «добротворческой» буржуазной семьи попадает душевнобольной человек, сбавивший из больницы (песа «На воскресный чай»). Пришелец начинает крушить все и исп, пока его не увозят обратно в лечебницу... Абсурдность ситуации, как и абсурдность расставания сил (протагонист, ноуэталь иден неприятия буржуазного мира — душевнобольной, опасный для общества злородный, нормальный людей в свою очередь в этих «здоровых, нормальных людях» застается зверь, готовый вырваться в любую минуту наружу), могла дать критикам повод к обвинению Мерсера с представителями театра абсурда. Но если раньше проследившись лишь некоторые общие мо-

ВДОХ И ВЫДОХ

СТРАХ, ХАОС, СМЕРТЬ — ТАКОВА «ПРОГРАММА» СОВРЕМЕННОГО МОДЕРНИСТСКОГО ТЕАТРА АНГЛИИ

зывает к сопротивлению против условностей и ограничений, навязываемых официозом. Вот что сказал Феррен: «Технология культуры, то есть средства массовой информации, способствует возникновению ситуации, при которой на долю отсталой личности падает гораздо большая доля ответственности. Проблема заключается в том, как создать нетоталитарное общество. Практически на этот счет нет никаких сообщений... Не следует забывать, что мы поситаны на фильмах Джеймса Кегни и Джона Уэйна, и потому в

он вообще «не видит причинной связи между искусством и революцией». Культура должна рассматриваться не в альтернативе «официальной культуре» и «контркультуре», а как «высокого» искусства, культуры и высокой элитарной. Думается, что Феррен и Кейс выступили в этом споре не как оппоненты, а как единомышленники, хотя первый из них — представитель «крайне левых», а второй — защитник конформистского, буржуазного искусства, которое призвано «показывать действительность» такой,

как она есть, не изменяя и ней отношения индивиду и не провозглашая никаких революционных идей». Если отвлечься от «разнотенный» в терминологии, а присмотреться к логике эволюции творчества ряда «новых левых», то станет очевидным, что между представителями искусства буржуазной и представительными «высокого» искусства, так сказать, классического модернизма, — очень много общего.

Но вернемся к пьесе Мерсера.

«Где мы? В какое мы попали время? — спрашивает рецензент спектакля Элен Доусон. — Видно, после войны, или в климате для душевнобольных, символически нашу вселенную, или же по ту сторону нашего «разумного» мира».

Итак, Мерсер решает перешагнуть «по ту сторону» мира. И от полного неприятия буржуазного действительности Дэвид Мерсер приходит к абсолютному отрицанию человека и его будущего. В духе мрачных

фантасий Олдос Хаксли, писавшего в романе «Обезьяна и сущность»: «И страх, мои дорогие друзья, это основа основ современной жизни», — страх стал главной движущей силой творчества Мерсера... Мерсера еще сохраняет формальные признаки произведения искусства: традиционные компоненты пьесы — сюжетная канва, диалог и пр. — используются для того, чтобы выразить ощущение страха и паники человека гибнущего мира. Но другие представители авангардистского театра стремятся про-

лизму. Оно стало фашиствующей силой. Оно воздвигает стены между людьми. Искусство превратилось в материалистический метод, с помощью которого надеются поладить страх перед смертью... Та же та же страхи — основа основ современной жизни» западного общества.

«Распад формы (хаос в мире представлений как хаос на сцене), абсолютное отрицание человека и его будущего, а также непризнание значимости языка как средства общения, преподаются ныне как «новый театр», — говорит видный театральный критик Глен М. Лови. В периодической печати постоянно появляются статьи, авторы которых широко рекламируют авангардистский «новый театр». Буржуазная критика стремится поиск драматургов семидесятих годов свести к модернистскому канону всеобщей истины... «Послание» Хиткота Уильямса, широко поданное журналом «Плей энд Плейер», — яркий этому пример.

Недавно издательство Фонтана опубликовало монографию видного апологета модернистского искусства Альберта, посвященную творчеству Семюэля Беккета. Проинтервью профессор Ноттингемского университета Алан Родвей резюмировал: «Все великие мастера слова сознают, что отрицание жизни означает смерть искусства... «Слабый критик родившейся жизни, единственной вход и выход, второй слабый крик, а затем — молчание. Вот и вся наша жизнь», — говорит Беккет в своих произведениях. Почему же его так превозносят? Быть может, не имея подлинно великих талантов, мы обьявляем малые таланты гениями? Может, наша культура стала врагом искусства слова? Очевидно, так оно и есть. Не случайно идеолог «новых левых» Маркузе пишет: «Поэзия есть способность отрицания вещей...» — видя высшее предназначение художника в Великом Отказе от тех ценностей, которые сохранились для него века.

Как одиночество в своей любви и жизни и слову духовные наставники современной буржуазной культуры

КТО, ГДЕ, КОГДА

«ГОРЯЧИЙ СНЕГ»

Чехословацкий еженедельник «Новый мир» публикует в издательстве «Литературная газета» романы Ю. Бондарева «Горючий снег», отмечая, что издательство с полным основанием включило в

серию «Мировой войны» романа прозаиком советского писателя. Автор рецензии поднимает интересные вопросы достоверности в изображении герою книги, увлекательности изложения.

На снимке: иллюстрация художника З. Млоча и книги Ю. Бондарева «Горючий снег»

«Нежеланный»

Кристиан Барнард, пионер пересадки сердца, написал свой первый роман об отношении между представителями разных рас в медицинском мире ЮАР.

Роман под заголовком «Населенный» рассказывает о жизни белого и цветного врачей, выросших вместе. Роман будет в ближайшем времени издан на английском языке и на языке африканцев.

Профессор Барнард, критически относившийся к ЮАР, в 1967 году переехал в ЮАР, где он пересадил сердце. Он опубликовал автобиографию «Жизнь Кристиана Барнарда» в 1969 году. Книга была распродана еще до выхода в свет, а второе ее издание появилось месяц спустя после первого.

КТО, ГДЕ, КОГДА

ВДОХ И ВЫДОХ

СТРАХ, ХАОС, СМЕРТЬ — ТАКОВА «ПРОГРАММА» СОВРЕМЕННОГО МОДЕРНИСТСКОГО ТЕАТРА АНГЛИИ

зывает к сопротивлению против условностей и ограничений, навязываемых официозом. Вот что сказал Феррен: «Технология культуры, то есть средства массовой информации, способствует возникновению ситуации, при которой на долю отсталой личности падает гораздо большая доля ответственности. Проблема заключается в том, как создать нетоталитарное общество. Практически на этот счет нет никаких сообщений... Не следует забывать, что мы поситаны на фильмах Джеймса Кегни и Джона Уэйна, и потому в

он вообще «не видит причинной связи между искусством и революцией». Культура должна рассматриваться не в альтернативе «официальной культуре» и «контркультуре», а как «высокого» искусства, культуры и высокой элитарной. Думается, что Феррен и Кейс выступили в этом споре не как оппоненты, а как единомышленники, хотя первый из них — представитель «крайне левых», а второй — защитник конформистского, буржуазного искусства, которое призвано «показывать действительность» такой,

как она есть, не изменяя и ней отношения индивиду и не провозглашая никаких революционных идей». Если отвлечься от «разнотенный» в терминологии, а присмотреться к логике эволюции творчества ряда «новых левых», то станет очевидным, что между представителями искусства буржуазной и представительными «высокого» искусства, так сказать, классического модернизма, — очень много общего.

Но вернемся к пьесе Мерсера.

«Где мы? В какое мы попали время? — спрашивает рецензент спектакля Элен Доусон. — Видно, после войны, или в климате для душевнобольных, символически нашу вселенную, или же по ту сторону нашего «разумного» мира».

Итак, Мерсер решает перешагнуть «по ту сторону» мира. И от полного неприятия буржуазного действительности Дэвид Мерсер приходит к абсолютному отрицанию человека и его будущего. В духе мрачных

Владимир Некляев ПОРОЖЕК ВСТРЕЧАЕТ как-то завхоз школы-интерната № 3 города Скворцов...

О И ПОДНЯЛ воротник плаща и тревожно огляделся по сторонам. Наконеч, убедившись, что за ним никто не следит, незаметно быстро пересек улицу...

Владимир Свиридов ПЛЕМЯШ лезенка. От коклюше излечился? Горючки дрожжащими руками надел очки.

ПЕТЬКА ПРЫЩ открыл в себе способность улавливать чужие мысли на расстоянии совершенно случайно — он только что вышел из пивной...

Павел ХМАРА Время О Время! Век минут, час и часик! В делах, в играх, во сне и наяву...

Мои твои враги, мои твои друзья, мои твои враги, мои твои друзья...

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НЕОЖИДАНИЯ 1 р. 21 км. X 3 = 3 р. 62 км.

Совсем уж собрался была директор клинику старших классов забор ломать, да вконец ослепился.

Служба службой, а работать надо! Есть, есть еще разница между женщиной и мужчиной!

ЧУДАКИ В. ИВАНОВ

Анатолій ЭРАМДЖАН ТЕЛЕПАТИЯ

Где-то женщина, а про себя подумала: «Чтобы ты содрогнулась!»

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА ОТ СМЕРДЯКОВА ДО ПЕНЕЛОПЫ

Карфагене. Но вот наш будущий студент из Киева В. Дюрий сокрушается: «В этом вопросе у меня вместо параллели получается параллелепипед».

Служба службой, а работать надо! Есть, есть еще разница между женщиной и мужчиной!

ЧУДАКИ В. ИВАНОВ

Анатолій ЭРАМДЖАН ТЕЛЕПАТИЯ

«Сунуться, что ли!» — подумал высокый парень в белой куртке.

«Сунуться, что ли!» — подумал высокый парень в белой куртке.

«Сунуться, что ли!» — подумал высокый парень в белой куртке.

«Сунуться, что ли!» — подумал высокый парень в белой куртке.

«Сунуться, что ли!» — подумал высокый парень в белой куртке.

ЧУДАКИ В. ИВАНОВ

ЧУДАКИ В. ИВАНОВ